Бухарин Н.И
Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ XV съезду ВКП(б).

М.-Л., 1928.

Н. И. БУХАРИН

ОТЧЕТ ДЕЛЕГАЦИИ ВКП (б) в ИККИ XV СЪЕЗДУ ВКП (б)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Н. И. БУХАРИН

ОТЧЕТ ДЕЛЕГАЦИИ ВКП (б) в ИККИ XV СЪЕЗДУ ВКП (б)

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО
в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Пятницкая, 71.
Главл. А-3415. А.10. Гиз № 25205.
Зак. № 224. Тир. 35,000 экз.

ОТЧЕТ ДЕЛЕГАЦИИ ВКП (б) в ИККИ XV СЪЕЗДУ ВКП (б)

ДОКЛАД
И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
9—12 ДЕКАБРЯ 1927 Г.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ВВЕДЕНИЕ.

Со времени последнего партийного с'езда прошло два года. Это было чрезвычайно богатое двухлетие, чрезвычайно богатое вообще, богатое и с точки зрения международной. Мы имели за истекшие два года ряд крупнейших явлений. Первое — переход к реконструктивному периоду в СССР; развитие частичной капиталистической стабилизации и противоречия этой стабилизации, переорганизация экономики в крупнейших капиталистических государствах (усиленный процесс трестификации и т. д.); крайнее обострение международных конфликтов; нависшая опасность войны и в первую очередь войны против СССР; чрезвычайное обострение колониальной проблемы для капиталистических государств в целом: вели-

кая революция в Китае, революция в Индонезии, несомненное оживление национально-революционного движения в Индии и т. д.

На одном только европейском континенте — развертывание внутренних противоречий стабилизации, обострение классовой борьбы в Европе, борьбы, которая нашла свое выражение в целом ряде огромных исторических событий: английская стачка, восстание рабочего класса в Вене, начало стачечной борьбы рабочего класса в целом ряде европейских стран. Достаточно упомянуть о той огромной борьбе, перед которой стоит рабочий класс в Германии в области металлической промышленности. Мы имеем обострение борьбы за массы между нами и социал-демократией. Мы имеем за это время развитие новых форм подкупа рабочего класса со стороны буржуазии при поддержке социал-демократии (я имею в виду попытки так называемой «американизации» рабочего движения). Мы имеем обострение борьбы между коммунизмом и социал-оппортунизмом при крахе социал-демократического центра (прежде всего австро-марксизм, затем «Независимая рабочая партия» в Англии и т. д.). И мы, несомненно, идем в настоящий период к тому, что борьба между марксизмом и социал-оппортунизмом всех видов, всех оттенков, всех категорий за ближайшие годы будет чрезвычайно обострена. И осью своего доклада мне бы хотелось в первую очередь сделать обострение борьбы коммунистических и со-

циалистических партий и на маленьких и на крупнейших вопросах современности.

Таков краткий перечень главных явлений, которые характеризовали истекшее двухлетие.

I.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИКИ И КРИЗИС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.

Я начинаю с некоторых положений, касающихся вопросов международной экономики и кризиса капиталистической системы в целом. Я должен оговориться, что целый ряд проблем я здесь не ставлю, потому что они уже были достаточно полно освещены и в докладе тов. Сталина.

Все мы знаем, и для каждого из нас является аксиомой, что мы живем в эпоху войн и революций, что мы живем в эпоху, которая, взятая в целом, представляет эпоху упадка капиталистических стран, несмотря на те или другие взлеты вверх кривой капиталистического развития в отдельных странах или в группе стран. Известное ощущение, «предчувствие» этой истины пробивает себе дорогу даже в головах крупнейших представителей экономической науки буржуазии, науки, которая в революционном движении пролетариата

видит «диких гуннов», опасных разрушителей «культуры и цивилизации».

Приведу прежде всего одну небольшую цитату из работы крупнейшего немецкого экономиста и одного из крупнейших экономистов буржуазии вообще, профессора Вернера Зомбарта. В предисловии к своей книге «Хозяйственная жизнь в период высокого капитализма» Зомбарт дает, по-своему, яркую характеристику текущей полосы развития. Он говорит:

> «Вместе с нею (т. е. с войною) время высокого капитализма внезапно кончилось, после того, как в продолжение последних лет перед 1914 г. уже обозначились признаки угасания... Это... явления старости, первый выпавший зуб... первый седой волос. Кто внимательно следит за развитием после войны, — не может иметь никаких сомнений в том, что капитализм вступил в период успокоения, правда еще не в период старости, но в период «лучших годов мужчины». Время сильной мужественности прошло. Начались последние из сороковых годов»...

А другой крупнейший экономист, виднейший исследователь мирового хозяйства, профессор Бернгард Гармс, в своей недавно вышедшей книжке «О хозяйственной войне и мировой хозяйственной конференции», полемизируя с Зомбартом, упрекает его в «пессимизме» и говорит, что дела капи-

талистического мира вовсе не так плохи. Но как и что он говорит, возражая Зомбарту? Он пишет:

«Правда, в старой Европе имеются многочисленные страны, в которых стремлению капиталистического духа предохранить себя от вырождения поставлены большие преграды, или где этот дух стал сам по себе упадочным. Но в остальном мире этот дух жив, и дела его свидетельствуют о нем... Сердце мирового капитализма бьется теперь не в Европе, а в Северо-Американских Соединенных Штатах, которым суждено быть руководителями в грядущий период «высокого капитализма» и из которых начнет свое победное шествие потенцированный капиталистический дух при помощи новых стран. По отношению к ним Европа напоминает стареющий Рим, который перед лицом растущих социальных затруднений видел выход в раздаче хлеба массам». (Берн. Гармс, назв. соч., стр. 250—251.)

Эти две цитаты чрезвычайно характерны, и я нарочно взял не первых попавшихся борзописцев буржуазии, а крупнейших ее идеологов.

Как хочет позолотить капиталистическому миру пилюлю, горькую пилюлю, Вернер Зомбарт, этот выдающийся экономист, впитавший в себя известную долю марксистского «яда», этот ученый, кото-

рый с видом эстетствующего барина, как сторонний наблюдатель, смотрит на ход событий? Он говорит: «Правда, капитализм еще не погиб, но он уже подходит к периоду одряхления и упадка...» И Зомбарт смотрит на этот стареющий капитализм тускнеющими глазами изрядно поношенного стороннего наблюдателя. Он всем симпатиями привязан к этому миру. Но — увы! — для него не остается ничего, кроме радостей «чистого познания», познания явлений, которые сами по себе ничего радостного не представляют. Ибо, в самом деле, кому приятно наслаждаться «чистой радостью познания» того, что у тебя вылезают волосы и один за другим выпадают зубы?..

А что ему отвечает другой, более оптимистический представитель буржуазной науки? Он говорит: нет, капиталистический мир еще не погиб и он не погибнет. Но Европа уже напоминает Рим, накануне его гибели. Эту Европу вытащат новые страны, чудесные заморские края во главе с республикой доллара, страной, где рекой бежит сверкающий золотой поток. Но Европа!.. Европа дряхлеет, как седой Рим, и от нее уже несет запахом тлена и вырождения...

По существу дела оба почтенные ученые неправы, ибо видят только половину истины. Потому что, если взять, например, только СССР, то назвать его одним «зубом», выпавшим из челюсти капиталистического строя, — это, согласитесь, немножко

маловато. Если даже взять арифметическую пропорцию, то одна шестая, это будет несколько больше, чем один зуб, выпавший из хищной капиталистической челюсти.

Совсем не прав и Б. Гармс, потому что в настоящее время дело заключается в том, что в мировом хозяйстве все составные элементы так связаны друг с другом, что упадок одной огромной глыбы старой цивилизации (с чем Гармс согласен) не может не отразиться на росте противоречий во всем мире, росте противоречий, которые неизбежно должны будут повлечь обострение внутренних и внешних конфликтов, в результате которых капиталистический режим будет сломлен. И если Б. Гармс делает сравнения Европы с Римом «времен упадка», то совершенно ясно, что эти сравнения не выдерживают никакой критики, ибо современный рабочий класс, это — не люмпен-пролетарские массы стареющего Рима; современный пролетариат не удовлетворится подачками в роде «раздачи хлеба», он будет итти вперед и ставить коренные проблемы истории. Современный пролетариат есть класс, воспитанный машиной, капиталистической техникой, а не разложившиеся пауперы римских площадей.

Если мы исходим из такого рода общей оценки положения капитализма, то из этого вовсе не следует, что мы отрицаем наличие частичной стабилизации капитализма. Больше того, никак нельзя отрицать

и целый ряд кон'юнктурных взлетов и высоких кон'юнктур в рамках этой частичной стабилизации. Мы имеем несомненный рост продукции. Мы имеем чрезвычайно быстро идущую техническую реконструкцию, в первую очередь в Германии, где сейчас речь идет о «газофикации», об изготовлении жидкого топлива из угля, где дело электрификации точно так же быстро продвигается вперед. Мы имеем и несомненную — частичную и временную — политическую стабилизацию в главнейших узлах капиталистического режима, осуществляемую частью при помощи белого террора, фашизма, истребления и искоренения остатков демократических «свобод», частью при помощи социал-демократических партий, этой главнейшей опоры капиталистического режима современности. Но эта частичная стабилизация не может скрыть даже от Замбартов и Гармсов того, что она происходит в эпоху упадка капитализма, его загнивания. Частичная стабилизация отложилась в некоторые формы, и эти последние не позволяют и не допускают более или менее планового хода развития капиталистического общества вперед. Наоборот, эти формы сами являются продуктом послевоенного кризиса, и они настолько противоречивы, настолько страдают огромными, зияющими внутренними пороками, что сами вызывают добавочные конфликты, кризисы, явления кризисного типа вообще. Из этих структурных изменений, изменений в самом

строении мирового хозяйства, я привел бы только несколько.

В первую очередь это есть перемещение центра хозяйственной жизни (из Европы в Америку). Напомним всем известный ряд цифр относительно Соединенных Штатов: 60 проц. мирового производства стали, 72 проц. — нефти, 53 проц. — меди, 43 проц. — угля, почти 20 млн. автомобилей (из 24 млн. общего мирового их количества), больше половины всего мирового золотого запаса. Это перемещение центра тяжести в Америку создает огромное количество добавочных трудностей для капиталистического режима и грозит громадными конфликтами внутри мирового хозяйства.

Во-вторых, упадок Англии. Теперь Англия превратилась уже в государство-рантье, в огромного паразита. Вот, например, некоторые иллюстрации этого явления. В 1925 году на всей товарной торговле Англия получила 100 млн. фунт. стерлингов прибыли, а на экспорте капиталов и других банковских операциях — 420 млн. фунт. стерлингов. В 1926 г., в год стачки, великой стачки, которая потрясла весь хозяйственный организм Англии, взятой с точки зрения метрополии, по вычислениям английского журнала «Экономист», дивиденды по полутора тысячам акционерных компаний равнялись 11,8 проц., а в 1925 г., за год до этого, когда не было никакой стачки, и когда промышленность в Англии не была потрясена этой

огромной конвульсией, этой огромной стачечной спазмой, они составляли 10,5 проц., т. е. в год стачки дивиденды были выше! Чем об'ясняется это явление, когда уровень доходов не определяется состоянием промышленности? Оно об'ясняется тем, что главные прибыли английским капиталом получаются не с английской промышленности, а с сырьевых колониальных продуктов — каучук, чай, нефть и т. д. Один крупнейший английский банкир Стэмп в разговоре с немецким профессором-экономистом Гиршем насчет убыточности английской промышленности, весьма рельефно сформулировал это положение. Он говорил: «Мы на двух-трех сырьевых монополиях заработаем больше, чем на всей английской промышленности». Таким образом, налицо превращение Англии в рантьерско-банковского типа паразита, в государство-рантье, где промышленные предприятия, начиная с угольных копей, становятся все более нерентабельными, где имеется специфический кризис экспортной промышленности, где стала невозможной политика крупных вложений в промышленность, где, следовательно, нет базиса для технической реорганизации промышленности. Этот упадок Англии, наклонная кривая развития английской промышленности, превращение Англии из «великой мастерской всего мира» в государство-рантье сопровождается хронической безработицей, и

это делает почти невозможными надежды на реорганизацию английской промышленности методами капитализма. Недаром некоторые круги английской буржуазии носятся, как с писаной торбой, с идеями массового выселения народа в Австралию, а ученье «попа Мальтуса» вновь приобретает кредит!

Наконец, нам нужно подчеркнуть целый ряд противоречий в Центральной Европе, давших повод для известного крылатого словечка о «балканизации Европы». Я здесь ограничусь только тем, что приведу заявление редактора указанного выше английского журнала «Экономист» В. Т. Лэйтона. Он характеризовал положение в самой Европе так:

> «В Европе имеется около десяти-двенадцати миллионов людей, кормильцы которых сидят без работы, имеется 11 тысяч километров новых таможенных границ и ежегодно тратится 2½ миллиарда долларов на вооружение».

Довольно меткая характеристика!

Главной точкой, где переплетаются европейские противоречия, является Германия. На примере Германии видна почти вся картина этих противоречий. С одной стороны, в Германии, как ни в одной другой стране, мы имеем стабилизационные достижения: и по линии техники, и по линии организации капитала. Мы имеем, например, резкое снижение себестоимости, повышение конкурентных спо-

собностей Германии на мировом рынке. А с другой стороны, мы на той же Германии видим наиболее резко опасности, вытекающие из версальского распорядка на европейском континенте.

Сейчас чрезвычайно остро стоит *репарационная проблема*. «Рейнско-Вестфальская Газета» от 14 октября 1927 г. пишет:

> «Ни один человек в Германии не знает, каким образом мы сможем из нового бюджета с 1 сентября 1928 года выкроить 1 250 миллионов репарационных платежей».

Затем стоит еще вопрос о *платежах процентов по долгам*, а сумма задолженности Германии, помимо репараций, составляет около 10 миллиардов марок, по исчислению директора Рейсхбанка г. Шахта. Проблема платежей процентов и проблема репарационных платежей — наиболее остро повисли перед Германией. Эти платежи требуют усиления экспорта. Между тем Германия имеет более пассивный торговый баланс, чем до войны, и притом речь идет об «укороченной» Германии, изрядно обворованной версальским договором. Противоречия между производственными возможностями Германии и ее силой как государства сказываются на этом маленьком примере с огромной остротой. Сюда еще нужно добавить, — что в конце концов имеет первостепеннейшее значение, — усиление *классовой борьбы*, которая возникает

1*

на основании самого дальнейшего развития стабилизационного процесса, развертывающего все более и более свои внутренние противоречия.

Вот вам классическая страна. Наимаксимальнейшие достижения стабилизации и в то же время максимальные трудности, которые эту стабилизацию подрывают. Это есть иллюстрация того положения, которое я выдвинул: сама стабилизация движется в формах, основанных на послевоенном и военном кризисе; и именно поэтому капиталистический мир, уже не говоря о целом ряде других факторов, представляет собою такую запутанную картину, с таким огромным количеством внутренних трений и конфликтов, которые неизбежно будут его толкать ко все большим конфликтам и ко все большим потрясениям. Ко всему этому нужно еще прибавить такие «маленькие» факторы, как существование и развитие СССР и рост колониального движения в Китае, Индии, Индонезии и проч. (об этом будет еще итти речь ниже).

Должен отметить, что за последнее время резко усилились противоречия и между капиталистическими державами. В частности противоречия между европейскими государствами и Америкой, и — особенно решительно — между капиталистическим миром (в первую очередь, между Англией) и СССР. Все это, в свою очередь, вызывает внутри капиталистических государств рост тенденции к сплочению экономической жизни, фор-

сирование процесса концентрации и централизации капитала. Я бы формулировал таким образом, что, если, с одной стороны, между государственными капиталистическими организмами мы наблюдаем сейчас рост конфликтов, несмотря на все попытки об'единения, замазывания конфликтов и проч., то, с другой стороны, этот рост конфликтов заставляет буржуазию внутри страны по возможности быстрее закручивать гайку концентрации и централизации капитала. Или, по другому формулируя: мы имеем в настоящее время обострение тенденций развития в сторону к государственному капитализму при буржуазной диктатуре. Я эту тенденцию вовсе не понимаю в том смысле, что сейчас мы имеем большое возрастание государственных функций буржуазии непосредственно в области экономической жизни, — известное возрастание мы все же имеем. Я имею в виду то, что за послевоенные годы, и в особенности за последние годы, тенденция к образованию мощных трестов (именно даже не синдикатов и картелей, а трестов, т. е. производственных об'единений разного типа, и комбинированного и некомбинированного), эта тенденция идет и развивается с чрезвычайной быстротой. Концентрация и централизация экономической жизни шагает семимильными шагами. Проходит процесс, если так можно выразиться, «трестификации» самой государственной власти, когда государственная власть буржуазии больше чем когда бы то ни

было становится непосредственно зависимой от крупных и мощнейших капиталистических концернов или комбинаций этих концернов. Другими словами, идет процесс **сращивания** предпринимательских организаций с государственным аппаратом, хотя и не происходит, в огромном большинстве случаев, огосударствления этих «хозорганов». Поэтому здесь нет еще госкапитализма, но есть подготовка к нему, тенденция в **эту** сторону. Разумеется, здесь не идет речь о чем-то качественно совершенно новом. Но я должен указать, что никогда за все время капитализма эти процессы не получали такого сильного развития, как сейчас, и это обстоятельство, мне кажется, нужно иметь в виду.

Вот посмотрите, например, на **Германию**. В Германии из 18 млрд. марок всей суммы основных капиталов акционерных обществ до 2½ млрд. принадлежит химическому и стальному трестам. Стальной трест, который имеет ²/₃ производства стали, «командует» решительно всем и определяет главнейшие линии политической жизни страны. **Вальтер Грейлинг**, автор книги «Немецкая горная промышленность, редактор экономического журнала «Wirtschaftsdienst» пишет:

> «Величайшее значение железной промышленности состоит в том, что она определяет весь ход германского хозяйства в целом. Она находится у истоков энергии главных видов сырья.

Она — великая держава в политике, как внутренней, так и внешней. Германская обрабатывающая промышленность подчинилась ее руководству. Рабочий класс бессилен против нее. Рейхстаг ничего не может сделать против ее желания».

Это, так сказать, «свидетельские показания» буржуазного экономиста.

Химический трест сосредоточил в своих руках 80 проц. соответствующего производства.

Электростанции. Четыре пятых производства электрической энергии в руках государства, по вычислению одного с.-д. экономиста (Франца Бааде). В Германии промышленность завязана сейчас буквально чуть ли не в один узел, непосредственно связанный, в свою очередь, со всей внутренней и внешней политикой Германской республики. Это — один тип развития концентрации и централизации капитала, один тип тенденций в сторону подготовки госкапитализма.

Я беру страну на другом «конце» мирового хозяйства — Японию, — страну, о которой мы сравнительно мало говорим и которая, тем не менее, сейчас совершает огромные завоевания, которая за последние годы превратила Монголию и Манчжурию в свою фактическую колонию, т. е. фактически их проглотила. В этой Японии промышленная жизнь не была потрясена так, как в европейских странах. Но

характерно то, что в ней в настоящее время *около 30 проц. промышленного и банкового капитала, не считая железных дорог, непосредственно принадлежат государству*. Это положение выросло отчасти на старинных формах японского хозяйства, но в настоящее время они, эти формы, переродились в форму финансово-капиталистического режима, связанного непосредственно с японским государством, которое в свою очередь стало представителем финансового капитализма Японии в первую очередь. Японский империализм имеет непримиримые противоречия с империализмом С.-А. Соед. Штатов и Англии. Поэтому, атакованный извне, он форсировал внутренние тенденции в сторону к госкапитализму. То обстоятельство, что внешнеполитические причины двигают капитализм в целом ряде стран в сторону консолидации и организации, это на примере Японии находит свое классическое подтверждение. Япония — это *второй* тип тех же по существу дела тенденций.

Я беру *третий* их тип. Я беру *Италию*. Здесь капитализм несомненно движется в сторону своеобразной формы государственного капитализма и своеобразного типа *государственной власти*. Что представляет собою то, что в так называемой «хартии труда» Муссолини называется «*корпоративным государством*»? «Корпоративное государство», по своему замыслу, есть,

по сути дела, не что иное, как так называемая «функциональная демократия» Отто Бауэра. По этой теории демократия состоит в представительстве разных профессий, классов, групп и проч., в зависимости от их «функций» в общественной жизни. Предприниматель руководит предприятием и управляет, рабочий работает и слушается предпринимателя, потребитель покупает, продавец продает. Если взять эти различные «функции» (как их деликатно называет Отто Бауэр) и их представительства, вот вам и получится, — говорит Отто Бауэр, — своеобразное, не парламентского типа государство. Вся пошлость Отто Бауэра заключается в том, что он не решает вопроса о власти, не решает вопроса, кому эта механика служит и кто ею управляет. А в этом — основное. Муссолини аннулировал парламент, строит свое фашистское «корпоративное государство» и своеобразными путями хочет втянуть в это сторительство даже рабочих. Он громит настоящие профсоюзы и организует фашистские «профсоюзы», ставит им определенных лидеров, и потом, на основе «представительства» торговых палат, промышленных предпринимателей, банкиров, вот этих фашистских профсоюзов, строит фашистское «корпоративное государство». С точки зрения экономических тенденций все это означает своеобразную форму государственного капитализма, где государственная власть контролирует и развивает капитализм. Здесь, на основе

беспощадной эксплоатации рабочего класса, проводится политика индустриализации Италии. Через фашистские профсоюзы снижается зарплата, укорачивается рабочий день, вводится «дисциплина», а с другой стороны, регулируются цены на промтовары и т. д., и т. п. За два последние года заработная плата итальянского рабочего непрестанно падает и сейчас она насчитывает — об этом я буду говорить еще и в другой связи, — 70—75 проц. довоенного уровня. Это — основа индустриализации Италии. Вот вам третий тип тенденций государственного капитализма.

Наконец, я должен упомянуть о довольно оригинальных формах, которые мы имеем в Австрии, формах, если так можно выразиться, «муниципального капитализма». Я имею в виду общинные предприятия, где имеет большое влияние с.-д. партия. Таковы главные типы той внутренней экономической реорганизации, которая происходит в капиталистических организмах важнейших стран.

Итак, мы имеем, с одной стороны, рост противоречий между различными капиталистическими государствами. С другой стороны, мы имеем дальнейший процесс организации капиталистических сил внутри стран, что выражается в тенденциях в сторону государственного капитализма. Делать отсюда вывод, как это делает Гильфердинг, который, кстати сказать, невероятно преувеличивает процесс так наз. «организации» ка-

питализма внутри страны и умалчивает о самом главном — о классовой природе этого процесса, — делать вывод, что вышеприведенные тенденции означают переход к такому состоянию капитализма, когда не будет войн и проч., — совершенно абсурдно. Дело обстоит наоборот. Если внешние осложнения, внешние конфликты дают толчок в сторону этих тенденций — сплочения капиталистических сил внутри страны, то, с другой стороны, это сплочение капиталистических сил внутри страны, в свою очередь, еще более обостряет конфликты между капиталистическими государствами, потому что это сопровождается обострением конкуренции, ростом противоречий, установлением соответствующих таможенных тарифов и т. д. «Не мир, но меч» несет с собою этакая «организационная» тенденция.

Это — выражение не успокоенного «ультра-империализма», прикрытого «мирным колпаком» Лиги Наций, а, наоборот, обострения борьбы, обострения конфликтов, совершенно неизбежно ведущих к катастрофе, имя которой «второй тур войн». Проблема рынка обострилась, проблема борьбы против СССР — тоже, давление на рабочих возросло, военная опасность стала более остро, чем когда бы то ни было. Государственно-капиталистические тенденции эту проблему не снимают, а обостряют. Конференции, в роде конференции по разоружению, являются пацифистским

обманом со стороны империалистов и с.-д. Об этом на нашем партийном с'езде не стоит даже и говорить. В перспективе перед нами стоит во всей остроте опасность второго тура войн. Вот главные черты того нового, или отчасти нового, что мы имеем за последние два года в области отношений капиталистических стран друг к другу и к СССР.

II.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Перехожу к вопросу о том, каким же образом эта механика развития влияет или отражается на положении рабочего класса. Прежде всего парочку слов насчет таких элементарных вещей, как заработная плата, безработица и пр. Я должен сказать, что многие из нас думали, опираясь на официальную статистику, что в Западной Европе заработная плата достигла довоенного уровня. Но ряд более дробных исследований в том числе исследований и подсчетов «Исследовательского рабочего бюро в Англии и бюро нашего т. Варги, а также некоторые дробные данные, например, данные «Имперского кредитного общества» в Германии, дают нам несколько иную картину. Если взять уровень заработной платы по различным отраслям производства и затем подсчитать среднюю, то получается величина иная, чем суммарные данные официальной статистики. Общий результат получается такой, что за исключением С.-А. Соед.

Штатов и других заокеанских стран заработная плата *не* достигла довоенного уровня. Дело обстоит примерно так: В *Германии* в июле 1927 г. реальная заработная плата для квалифицированных рабочих равнялась 93 проц. довоенной, для неквалифицированных — 100 проц. По данным «Имперского кредитного общества» (Германия) в апреле 1927 г. номинальная заработная плата для квалифицированных рабочих равнялась 135,8 проц., а индекс дороговизны составлял 146,4, т. е. получается *минус* с точки зрения реальной заработной платы. В *Англии* средняя заработная плата не выше 90 проц. довоенной реальной. Особенно резкое падение в основных отраслях — текстиль, уголь, железо, причем предвидится дальнейшее *падение* заработной платы. Во *Франции*, в Париже, в конце 1926 г. заработная плата была выше довоенной только у наборщиков, во всех остальных отраслях она составляла около 65—87 проц. В *Италии* после последнего снижения рабочие имеют 70—75 проц. довоенной заработной платы. За последние два года заработная плата систематически снижается. В С.-А. Соед. Штатах имеется в среднем увеличение заработной платы на 30 проц. (повторяю: лишь в заокеанских странах, да и то вряд ли во всех, имеется кое-какое повышение зарплаты). Но под этой средней величиной (+30 проц.) скрываются огромные несоответствия между отдельными отраслями производства и отдельны-

ми районами. Напр., в Южных Штатах, где много рабочих-негров, и где развита по преимуществу текстильная промышленность, можно встретить исключительно невыносимые условия труда, низкую заработную плату, длинный рабочий день, между тем как на другом конце С.-А. С. Ш., при коренном американском рабочем составе и в отраслях индустрии с квалифицированным трудом, вы имеете значительно более высокую заработную плату. Резкая диференциация внутри рабочего класса, резкая диференциация районов скрыты под общей, «средней» цифрой + 30 проц.

Для европейского капитализма, где нет довоенной платы, это положение считается еще совершенно недостаточным с точки зрения капитала. считается, что на уровень заработной платы нужно сейчас нажимать дальше вниз. Есть даже целый ряд «ученых» экономистов, которые прямо выставляют сейчас требование дальнейшего нажима на рабочий класс. Я приведу вам прямо изумительный пример с одним крупным буржуазным ученым, профессором Касселем, который известен как теоретик денежного обращения. Он обратился с меморандумом к международной экономической конференции, а затем выпустил книгу, носящую заглавие: «Новейшие монополистические тенденции в индустрии и торговле. Исследование о природе и причинах бедности народов». (Это написано им «в параллель» к Адаму Смиту, написавшему

«Исследование о причинах богатства народов».) Кассель развивает там исключительно интересную по своей наглости теорию. Он говорит, что наше время есть время монополий. Монополия — очень вредная штука, потому что только свободное движение людей, капиталов, товаров обеспечивает максимальный прирост производительных благ. А сейчас? Мы имеем монополии. Но какого типа монополии? Кассель говорит: мы имеем предпринимательские монополии, что очень плохо. Но мы имеем и рабочие монополии (рабочие профсоюзы) и это — еще хуже. Сейчас профсоюзы, т. е. «монополия» рабочего класса, якобы сильнее, чем предпринимательские монополии, т. е. синдикаты, тресты и пр. Поэтому, говорит сей ученый муж, и имеется такое... «засилье» рабочего класса, поэтому зарплата сейчас стоит так «высоко», что от этого получаются все беды. Главная причина безработицы, кризисов и пр., по Касселю, заключается... в слишком высокой заработной плате! Отсюда и безработица. Если платить подешевле — можно больше рабочих нанять. И он предлагает уничтожение «слишком большой монополии» рабочего класса и «слишком высокой» заработной платы. Это значит: дави и громи даже те профсоюзы, которые имеются, нажимай на заработную плату и рабочий день еще дальше, несмотря на те «достижения», которые капиталистический мир уже имеет в этом отношении.

Следовательно, мы можем сделать вывод, что частичная стабилизация капитализма идет на основе повышенной эксплоатации рабочих; ее героем является трестированный капитал; она имеет своей предпосылкой разгром рабочих организаций. Характерно при этом то обстоятельство, что трестификация и картелирование обычно сопровождаются и созданием антистачечных фондов.

Пример: Стальной трест. Я привожу здесь цитату из книги Уфермана «Стальной трест»:

> «В течение года через кассу европейского стального картеля проходит 176 млн. марок... Заслуживает внимания то обстоятельство, что, согласно § 7 устава картеля, за каждую тонну непроизведенной, сравнительно с квотой[1]), стали полагается вознаграждение в 4 доллара. Так как в договоре ничего не говорится о том, что недопроизводство до квоты при забастовках не вознаграждается, то картель несомненно за такое недопроизводство обязан вознаграждать».

Таким образом в силу самого устава вы имеете организацию антизабастовочного фонда. А послед-

[1]) Обусловленная соглашением норма производства.

ние сведения прямо говорят об организации этого антизабастовочного фонда.

У меня есть одно замечательное описание результатов стабилизации и капиталистической рационализации, отражающейся на спинах рабочего класса, причем это — опять-таки свидетельское показание, идущее не из рабочих кругов, а от одного буржуазного журналиста, корреспондента «Берлинер Тагеблатт», который для того, чтобы узнать, в каком положении находятся сейчас рабочие, сам пошел на одно из крупнейших предприятий и потом описал результаты своих наблюдений. Речь идет об огромном химическом предприятии «Лейна», где занято около 40 000 рабочих (Средняя Германия). Вот, что он пишет насчет жилищных условий:

> «Ищу комнату в поселке при заводе. Напрасно. Ищу в соседних деревнях. Везде переполнено. В низких хижинах народу набито сверх меры. Многие спят на полу. Та же картина везде. В Мерзебурге, в, Галле, в Корбетте, в Лауштетте положение не лучше. С трудом нахожу себе угол за Вейсенфельзом».

Условия передвижения и работы:

> «Два часа езды по железной дороге. 8—9 час. тяжелой работы, умывание, поездка обратно, — итого от 14 до 15 часов ежедневно на ногах — на железной дороге, за машиной — разрушают

здоровье рабочего и вызывают преждевременную старость. В вагоне темно и холодно. Сидеть негде. Многие стоят и стоя засыпают от усталости».

Об обысках он пишет:

«Такой порядок, кроме крупнейших заводов в Германии, существует только для чернокожих рабочих на алмазных россыпях в Южной Африке».

Насчет штрафов:

«Лейна штрафует за разговоры, за слишком долгое пребывание в уборной, за мытье рук, за стояние без работы. Штрафы значительны: 2—3 марки. Отсчитываются 2—3 часа работы. Но работа на этом производстве как раз требует частого мытья рук».

Корреспондент описывает далее положение детей и т. д.

Вот вам картина на одном из крупнейших и «передовых» предприятий Германии. Химическая индустрия является все-таки одной из самых передовых отраслей индустрии. И ведь все это — показание буржуазно-либерального свидетеля. Так, что наши выводы о том, что капиталистическая стабилизация и рационализация действительно проводится на спине рабочего класса,

на беспощадной его эксплоатации, не подлежат никакому сомнению.

Нужно сказать, однако, что германскому капиталу удалось в значительной степени рассосать безработицу. Это нужно признать. Безработица в Германии была гигантской. Сравнительно недавно она насчитывала миллионы, некоторое время назад — 700 000, а сейчас она сократилась еще более. Развитие германской индустрии привело к резкому сокращению безработицы. В этом отношении имеется огромное различие между *Германией* и *Англией*, где безработица стабилизовалась и держится на прежнем «миллионном» уровне (не следует забывать, что здесь речь идет *только* об индустриальных рабочих, а не о пришлых из деревень).

Налицо, следовательно, крупнейшее различие между развитием промышленности в Центральной Европе (в первую очередь в Германии) и неуклонно падающей кривой развития в Англии.

III.

СТРУКТУРА РАБОЧЕГО КЛАССА И ТИПЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЕ.

Вот, товарищи, как обстоит дело с положением рабочего класса. На основе разнообразия в положении капитализма в разных странах мы видим различные типы рабочего движения и разные методы со стороны буржуази для овладевания этим рабочим движением. Поэтому я хотел бы сказать несколько слов о попытках так называемой «американизации» рабочего движения. Если мы проанализируем рабочее движение в С.-А. С. Ш., мы поймем, почему в Европе сейчас идет такой крик об Америке и почему социал-демократия и оппортунистические лидеры профессионального движения смотрят горящими от восторга глазами на этот самый «американский идеал». Оговорюсь, что если я здесь несколько больше остановлюсь на типе американского движения, то это не потому, что я считаю американское рабочее движение классическим типом современного рабочего движения, но по причине, которая только-что указана.

Мы имеем теперь доминирующее, монопольное положение Соединенных Штатов в мировом хозяйстве, быть может, даже более значительное и более исключительное, чем когда-то имела Англия. Поэтому рабочий класс Америки неизмеримо больше привязан к своей буржуазии, чем, может быть, это было даже в Англии. Мы можем говорить об американском пролетариате теми же словами, какими в свое время Энгельс говорил об английском пролетариате; мы можем говорить о «буржуазном пролетариате» в Америке. Возьмите хотя бы такую небольшую табличку о зарплате, которая сразу уяснит вам, в чем дело. Если принять среднюю реальную заработную плату за 1925 г. в Лондоне за 100, то вы получите следующие цифры для других городов: в Филадельфии (Америка) — 221, в Париже — 71, в Риме — 48, в Варшаве — 47, в Праге — 58, Брюсселе — 57, в Вене — 47. (Войтинский: «Мир в цифрах».) Средняя европейская — 40—50, а там — **220!** Вот вам соотношение между этой аристократией международного рабочего класса и массами европейского рабочего класса. А если бы мы взяли еще заработную плату китайского кули или рабочих африканских алмазных россыпей или другой колониальной группы рабочих, то вы представите, какая гигантская разница между кули и американцем. Но и в самой Америке, как я уже заметил, имеются различные слои пролетариата, даже официальные источники показы-

вают эту огромную диференцированность и огромнейшие различия. Например, Дэвис, министр труда Соединенных Штатов, открыто заявил недавно в связи со статьей, помещенной в одном рабочем журнале, следующее:

«Не будет преувеличением, если мы скажем, что имеется несколько миллионов тяжело работающих, но низко оплачиваемых американцев. Я смею сказать, что среди нас живет, считая с членами семейств, 10—15 млн. чел., лишенных того благополучия, которое имеет все остальное население».

В Южных Штатах, в особенности в текстильной промышленности, имеется 10—11-часовой рабочий день, при огромной интенсивности труда, при месячной заработной плате всего-навсего от 18 до 32 долларов.

Следовательно, с одной стороны, имеется внутри американского пролетариата рабочая аристократия, а, с другой стороны, — низы рабочего класса, которые тупеют и находятся на положении рабов, Это — такие слои рабочего класса, которые, по выражению даже Дэвиса, тяжело работают и мало получают. Это есть совершенно реальный факт. Но дело заключается в том, что эти низы рабочего класса комплектуются из негров и пришлых элементов, которые раньше, в других странах, были в еще худших условиях. Что касается негров, то они

поставлены даже среди рабочего класса на положение граждан второго разряда. Вся механика организации рабочего класса построена так, что держит в подчинении эти слои рабочего класса, возмущение которых иногда прорывается в отчаянных и жесточайших формах борьбы, — например, последняя стачка в Колорадо, где были большие столкновения, убитые, раненые, где чуть ли не ядовитые газы были заготовлены против рабочих. А в целом механика заключается в том, что капитал держит рабочих в руках при помощи определенных слоев самого рабочего класса.

Организованные силы рабочего класса построены таким образом, что они направлены против всякой революции. Все число рабочих (без служащих) равно, примерно, 25 млн. чел., из них организованных — 3—4 млн. Из общего числа этих организованных 75 проц. пребывают в аристократической Американской федерации труда. Следовательно, вся профсоюзная организация рабочего класса носит чисто верхушечный характер. В Американской федерации труда — аристократические слои. Внутри этой американской федерации труда руководство находится в руках таких профбюрократов, о которых наш рабочий класс не имеет, конечно, никакого представления. Я не буду говорить о методах воровства, коррупции, взяточничества, присвоения себе профсоюзных денег и т. д. Но вот какие оклады получают эти профбюрократы? Например, председатель со-

юза машинистов, Стон, получает 25 тыс. долларов жалованья плюс 25 тыс. долларов на представительство, итого 50 тыс. долларов (движение в зале), т. е. 100 000 рублей, а в среднем, следовательно, 8 300 зол. рублей в месяц (движение в зале). Вот вам «вождь профсоюза»! Вот как обстоит дело в Американской федерации труда.

Но кроме этой организации там имеется еще одна форма организации, еще более специфическая, чем сама «Американская федерация труда». Это—«компанейские союзы», т. е. общие союзы предпринимателей и рабочих одного предприятия. Они имеют своей целью так называемый «промышленный мир», устранение классовой борьбы и работают чрезвычайно интенсивно, вовлекая в подчинение капиталу некоторые слои рабочего класса. Вот я вам приведу известный пример: на железной дороге Балтимора — Огайо имеется нечто в роде компанейского союза. Главный лозунг: «повышение производства и никаких стачек». Они в значительной мере копируют на капиталистический салтык то, что мы у себя проделываем; например, у них есть нечто в роде производственных совещаний, причем в течение последнего года на 45 предприятиях этой компании было сделано 18 000 различных предложений по улучшению постановки дела; из этих 18 000 тыс. предложений, изобретений и пр. было проведено в жизнь 15 тысяч (намотайте себе на ус, товарищи-хозяйственники!). В результате втягивания в хозяй-

ственную жизнь рабочих и подчинения их капиталу дивиденды компании выросли за период с 1924 по 1926 г. вдвое.

Принципы организации этих вот компанейских союзов? Организация только внутри предприятия. Организацию содержит предприниматель, получающий за это увеличенные вдвое дивиденты. Запрещаются на предприятии профсоюзы и всякие вообще организации классовой борьбы.

Энергия рабочего класса, добавочная, изобретательская, интеллектуальная, она вся каматывается на вал капиталистической эксплоатации.

Другой тип — рабочие банки. В журнале «Строитель локомотивов» очень крупный буржуазный американский экономист Т. Н. Карвер пишет:

> «Рабочие банки, это — единственная революция в мире. Их колоссальные возможности станут очевидными, если вспомнить, что сумма заработных плат в стране составляет приблизительно половину тех 50 миллиардов долларов, которые хранятся в наших 31 000 банках, и что годовой урожай фермеров представляет ценность $^{2}/_{3}$ другой половины. Если большинству американских рабочих и крестьян удастся концентрировать свои сбережения и свою кредитную мощь в собственных банках, то в течение одного по-

колення они получат контроль над капиталом богатейшей нации мира». («Соц.-Экон. Раб. Обозрение», орган Профинтерна, октябрь 1927 г.).

Конечно, вся эта «философия» является враньем, потому что никакого контроля эти «рабочие банки» не получат, а, наоборот, сбережения рабочих, насчитывающиеся в очень солидной сумме, как и до сих пор, захватят в свое распоряжение магнаты банковского капитала: финансово-капиталистическая олигархия очень хорошо использует «мелких вкладчиков»! Рабочие несут в «рабочие банки» свои сбережения, банки держат этот капитал в акциях разных предприятий, компаний, трестов. Таким образом, рабочие приносят в банки свои сбережения, свои гроши, которые, скопляясь, дают в распоряжение буржуазии очень значительное количество добавочного оборотного капитала. Сейчас имеется около 37 рабочих банков, и все эти банки врастают в общий механизм капиталистического общества.

На этой почве разводится целая теория. Тот самый Карвер, которого я цитировал, выпустил целую книгу, которая называется «Текущая экономическая революция в Соединенных Штатах» (Бостон, 1925 г.). Вот, мол,—вещает он,—говорят о разных революциях и проч., но это же все пустяки. Была политическая революция в Германии, Австрии и т. д., но ведь настоящая революция, это — экономическая революция, а она происходит за это

время только в одной стране, и эта страна есть Соединенные Штаты Америки. Карвер утверждает:

> «Единственная экономическая революция происходит теперь в Соединенных Штатах. Это — революция, которая уничтожает разницу между рабочими и капиталистами, делая рабочего собственным капиталистом и делая большинство капиталистов работниками того или иного вида, потому что они не могут быть способны жить с одного своего капитала. Это есть нечто совершенно новое в мировой истории». (Стр. 9—10.)

Путями этой «революции» Карвер считает:

> «во-первых, быстрый рост вкладов, во-вторых, вложения со стороны рабочих путем покупки акций трестов; в-третьих, рост рабочих банков». (Назв. соч., стр 11.)

В сущности эта карверовская идеология есть та самая идеология, на почве которой стоит вся международная социал-демократия. Принципиальной разницы между социал-демократами и Карвером нет.

Итак, что мы видим в Америке? Низы рабочего класса, иностранцы, негры. Методы борьбы у них часто очень революционные, и эта борьба крайне свирепо подавляется. С другой стороны, большой

слой американских рабочих — аристократия от аристократии. Его организация — аристократическая Американская федерация труда. Затем — компанейские союзы, рабочие банки и т. д. Над компанейскими союзами, рабочими банками и проч. стоят: организация капиталистов, мощные предпринимательские союзы, банки, концерны, тресты. Они через разные «приводные ремни» весь рабочий класс держат целиком в своих руках.

Это и есть тот «идеал», на который ориентируются сейчас вся международная социал-демократия и лидеры реформистских союзов. И вот эти методы американской буржуазии они желают перенести на Европу, забывая только о том, что если в Америке эти методы имеют известную базу в монопольном положении страны, то для Европы они этой базы не имеют и иметь не могут. А в некоторых странах они становятся прямо смешными! Возьмем, например, Великобританию. Ее монопольное положение исчезло, хотя великобританское правительство и маневрирует по отношению к колониям, делает уступки, получает известную передышку, отсрочивает часы своей гибели. Но все же основная тенденция ведет вниз, и это видно, в первую голову, по огромной стабильной безработице. Дальнейшее наступление капитала вызывает такие, например, вещи, как поход горняков на Лондон. Китайская революция и революции в других колониальных

странах шатают всю Британскую империю. Идет возмущение низов — стачки и т. д. Поэтому американские методы здесь не могут иметь базы. Тем не менее капитал старается, при помощи лидеров рабочей партии и профсоюзов, наладить и здесь пресловутый «промышленный мир», организацию «компанейских союзов» и т. д. Например, Спенсер у углекопов организовал такой компанейский союз: основана «Лига промышленного мира в Британской империи». «Экономист» в одном из последних номеров (от 22 октября) в статье «К промышленному миру» с восторгом рассказывает об единстве между волками капитала, вроде Монда, и шарлатанами из Рабочей партии.

Такой крупный капиталистический кит, как Монд (химическая индустрия), хочет использовать «американское средство» для борьбы с социализмом. А «рабочие политики» приветствуют эти попытки, как «шаг к социализму»!

В Германии также вряд ли можно найти какую-нибудь базу для американских методов. Германская буржуазия старается, однако, использовать даже самые маленькие зацепки в этом отношении. Напр., в настоящее время мы имеем известное перераспределение в некоторых отраслях промышленности между служащими и рабочими. Число служащих по отношению к рабочим в 1907 г. составляло 11,1 проц., в 1925/26 г.—36,5 проц., в промышленности — 15 проц. По отраслям инду-

стрии: в горной промышленности это число составляет 7,6 проц., в текстильной — 13,2 проц., в машиностроении—23 проц., в химической—38,2 проц.

Происходит перегруппировка внутри кадров промышленности, и на этой основе делаются попытки зацепить частичку рабочих через служащих, взять на буксир определенную часть рабочего класса и через них держать остальные слои.

Поведение с.-д. и лидеров профессиональных союзов лежит целиком по линии «философии» Карвера. Хотя они и делают вид, что борются против организации компанейских союзов, но сами и идеологически, и практически, и политически выполняют то же, карверовское, дело. Один из социал-демократов (Эрдман) так прямо и сформулировал дело: «Профсоюзы — элемент капиталистического хозяйства». И вся их линия заключается в том, чтобы было возможно меньше стачек, хотя они и бывают вынуждены под давлением рабочих масс иногда вести эти стачки. Но в их головах идея промышленного мира господствует вполне.

Имеются попытки организовать компанейские союзы, но пока их совсем не много. Имеется специальная организация («Динта» — «Немецкий институт для технической выучки рабочих»). Этот «институт» имеет 200 заводских газет. Через них они лезут в рабочую среду. За последнее время стала заметной политика арбитража, государственно-принудительных решений по конфликтам, т. е.

система, совсем уже близкая к «промышленному миру», принудительно диктуемому государственной властью буржуазии.

Но несмотря на то, что американские методы у лидеров социал-демократии и профсоюзов и в фаворе, хотя они и стараются, чтобы стабилизация и ее дальнейшее развитие в Цетральной Европе проходили без больших социальных конфликтов, но это—для Европы—буржуазно-реформистская утопия, и в первую очередь для такой страны, как Англия, потому что для перенесения американских методов нужно «малое»: предварительное перенесение американской экономики в Европу,— вещь, по меньшей мере говоря, «крайне затруднительная».

Касаясь колониальной периферии капиталистического мира, мы должны отметить пробуждение рабочего класса как самостоятельной силы. Правда, и в колониях уже пытаются насадить всякие гнусности: желтые союзы Чан Кай-ши, «союз механиков» в Кантоне и т. д., или попытки со стороны английских реформистов скрутить индусское профсоюзное движение. Но в общем мы можем сказать: если мы говорим о типе движения в колониальных странах, то впервые мы вступаем в такую эпоху, когда рабочий класс осознает себя, как самостоятельная сила в движении, и нередко является ведущим началом революцион-

ного движения. Никогда этого здесь еще не было. Совершенно естественно, что здесь метод коррупции рабочего класса применить очень трудно для буржуазии, потому что базис для этого почти совершенно отсутствует. Известное подобие базиса заключается в гигантской дистанции между особыми видами квалифицированного труда, напр., в Китае, и массами рабочих. На этом играют капиталисты. Но это буквально капля в море.

Таково в общих чертах положение рабочего класса. Таковы попытки буржуазии свернуть рабочее движение с его классового пути. Эти попытки могут иметь известный успех в Соед. Штатах, но они обречены на крах и в Европе, и в колониях, где рабочий класс выдвигается на передовую линию огня в героической борьбе против системы мирового империалистического угнетения.

IV.

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ В ЕВРОПЕ.

Перехожу к анализу того, как на почве стабилизации и развития ее внутренних противоречий идет процесс обострения классовой борьбы в Европе.

Если мы рассмотрим события последнего времени с точки зрения социально-классовой, то мы видим, с одной стороны, продолжение наступления на рабочий класс (фашизм в Италии, Польше, зародыши фашизма в Англии и т. д.). Мы имеем необыкновенно свирепую, перешедшую в систему, политику белого террора, который держит пролетариат в повиновении путем разгрома рабочих организаций. (Балканы с исключительно-гнусным режимом белого террора; Италия, где за последнее время для того, чтобы выловить двух-трех коммунистов, устраивают облавы и арестовывают тысячами рабочих; Польша и т. д.). Мы имеем политику разгрома даже ручных профессиональных союзов. Всем известна история с английским «биллем», направленным против профсоюзов. Мы имеем по

всему фронту продолжение наступления капитала на зарплату и рабочий день. Следовательно, в Европе мы имеем известную комбинацию фашизма и попыток перенесения «американских» методов

Но в то же время отчасти на почве самой стабилизации, — и это есть центральное во всем современном европейском положении, — мы имеем то обстоятельство, что рабочий класс Центральной Европы оправляется после тяжких поражений предыдущего периода. Начинается оживление рабочего движения, обострение классовой борьбы со стороны пролетариата. Мы имеем известный поворот в соотношении классовых сил, мы имеем совершенно не подлежащий никакому оспариванию процесс «полевения», революционизирования пролетариата в основных узлах европейского капитализма.

Этот процесс находит свое выражение, идет, направляется и развивается по целому ряду каналов. Я беру сперва выборы в ряде стран Центральной Европы. Германия. Мы наблюдаем одновременный рост и социал-демократов и коммунистов. Выборы в Гамбурге. За социал-демократов в 1924 г. было подано 203 тыс. голосов, в 1927 г. — 249 тысяч. За коммунистов в 1924 г. — 90 тыс., в 1927 г. —

111 тыс. Польша, общинные выборы в Лодзи: за ППС в 1922 г. — 20 тыс., в 1927 г. — 56 тыс. Коммунисты получили в 1922 г. — 14 тыс., а в 1927 г., несмотря на бешеный, исключительный террор, свыше 50 тысяч. Чехо-Словакия. Выборы в Праге. За социал-демократов в 1925 г. было подано 41 800 голосов, в 1927 г. — 47 600; за коммунистов в 1925 г. — 66 700, в 1927 г. — 70 700.

Анализ выборов показывает, что с.-д. усиливаются, главным образом, за счет мелкобуржуазных прослоек, служащих и проч., коммунисты же — за счет рабочих. Мы имеем рост коммунистических голосов в этих крупнейших и решающих странах европейского континента. Этот рост влияния коммунистических партий отражает глубинные процессы, процессы, которые мы называем общим термином «полевение».

Второй симптом — влияние коммунистов в профсоюзах. Мы, несомненно, имеем усиление влияния коммунистов и профсоюзной революционной оппозиции вообще в ряде стран, например, в Германии (особенно в Берлине, Гамбурге, Галле и других крупных городах). В Италии, несмотря на разгромы, несмотря на свирепый белый террор, партия с крупнейшими успехами борется за воссоздание профессиональных организаций. В Чехо-Словакии мы имеем тоже усиление влияния коммунистов в профсоюзах, правда, не особенно большое.

Третьего рода явления, это — открытые выступления пролетариата. Частью сюда относится великая английская стачка, сюда относится, далее, восстание рабочих в Вене, имеющее крупнейшее значение для оценки положения в Европе. Затем необходимо отметить бурные отклики в Европе среди европейского рабочего класса на казнь Сакко и Ванцетти. Само собой разумеется, такие бурные отклики показывают, что рабочий класс начинает заряжаться психологически по другому, чем это было некоторое время назад.

Наконец, мы имеем несомненное оживление стачечного движения в ряде стран. После ряда проигранных оборонительных битв, а потом затишья мы имеем известный под'ем стачечной волны. В Германии — стачка горняков в Средней Германии, локаут металлистов, который коснется нескольких сот тысяч человек и который является ответом на требование повышения заработной платы со стороны рабочих. Была известная стачечная волна во Франции, стачка строительных рабочих в Чехо-Словакии, стачечная волна в Италии и т. д.

Мы имеем и целый ряд других симптомов, которые точно так же можно зачислить в рубрику открытых выступлений трудящихся и рабочего класса в первую очередь. Тулонский мятеж матросов во Франции, беспорядки среди резервистов там же,

крупнейшие антифашистские уличные демонстрации во Франции и в Германии, ряд уличных демонстраций в связи с нападением на Советский Союз в ряде стран — во Франции, в Германии, в Чехо-Словакии, в Польше (особенно следует здесь отметить крупнейшую демонстрацию в Польше в связи с убийством тов. Войкова), день красных фронтовиков в Германии и клятва красных фронтовиков о готовности защищать Союз Советских Республик,— все это есть выражение роста революционных настроений. И, наконец, если брать совершенно уже другие страны, следует помнить о двух крупнейших стачках в Соединенных Штатах Америки. Я имею ввиду стачку в Пассаике и стачку горняков, где дело дошло до открытых военных столкновений между рабочим классом и предпринимателями.

Таким образом, мы видим, что попыткам со стороны европейского капитализма вовлечь рабочий класс в «компанейство» с буржуазией, попыткам достигнуть «промышленного мира», попыткам коррумпировать известную частичку рабочего класса, для чего в Европе нет базы, противостоит широко развертывающаяся волна классовой борьбы.

Характеристика этих событий должна быть совершенно для нас ясной.

Это не остатки оборонительных стачек перед наступающим капиталом.

Это не последние, так сказать, «утихающие отзвуки» той борьбы, которую рабочий класс вел раньше.

Нет, это начало нового периода на основе того, что рабочий класс уже самые худшие времена депрессии после предыдущих разгромов уже преодолевает, что он начинает строить вновь свои собственные ряды, что он начинает поворачиваться вновь к более острой классовой борьбе, на основе развертывающихся противоречий стабилизации.

Оправившись, он начинает новый цикл своего развития, и этот новый цикл своего развития он начинает и стачками, и крупными уличными демонстрациями, переходом к массовой борьбе, которая задевает и такие слои, как, например, матросов или солдат в той же самой Франции Пуанкаре.

Это обострение классовой борьбы в Европе, этот рост мобилизационных способностей рабочего класса после известного промежутка опирается на развитие тех противоречий, которые в лоне своем несет сама стабилизация.

Я бы еще не формулировал это так, что мы стоим уже сейчас накануне непосредственной революционной ситуации в Европе, — до этого дело еще не дошло.

Но дело уже дошло до того, что после известного перерыва и депрессий в рабочем движении мы имеем несомненный поворот в сто-

рону мобилизации сил пролетариата в сторону активной борьбы.

Наиболее плохие времена прошли, рабочий класс оправляется, он начинает мобилизовать свои силы, он снова вступает в бой. Обострение классовой борьбы на почве развертывания внутренних противоречий стабилизации, несомненно, налицо.

V.
АМЕРИКАНИЗМ, СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ, АМСТЕРДАМ.

И вот, товарищи, этот факт, если мы берем внутреннюю жизнь европейских стран, является решающим для всей оценки предстоящей полосы.

Задачей коммунистов, как авангарда рабочего класса, является всемерная поддержка этого процесса, его возглавление, выработка правильной тактики в этих новых условиях обострения классовой борьбы, которое заложено в самой основе текущего периода. В этой борьбе за рабочие массы, в этой борьбе за руководство ими, в этой борьбе за обострение классовых выступлений мы натыкаемся в первую очередь на социал-демократию и на Амстердам.

Несколько слов об их позиции в настоящий момент. Опасность международных конфликтов, коренная постановка вопроса о борьбе между капиталистическим миром и СССР, полевение низов рабочего класса в Европе, колониальные революции, с одной стороны, мобилизация сил капита-

лизма — с другой, сопровождаются явным поворотом направо верхов II Интернационала и Амстердамского объединения профсоюзов. Я считаю, что за время существования социал-демократических партий и трэд-юнионизма никогда еще не было такой «консолидации» теории и практики социал-демократических партий на основе полной капитуляции перед буржуазной идеологией. Раньше мы имели борьбу так называемых «ортодоксов» и ревизионистов, мы имели европейскую, якобы «марксистскую», социал-демократию, и имели христианских проповедников «на стороне», в роде г-на Макдональда и К°. Но теперь все эти «идейные потоки» слились в один, и они представляют — в основном, в решающих вопросах — единое, законченное целое и в теории, и на практике. В чем состоит основная установка социал-демократии, верхушки профсоюзов и проч.? Она состоит, по сути дела, в разобранной выше буржуазной «карверовщине». Вот главная цепь их рассуждений: «нам» нужно превратить современные фабрики в «конституционные фабрики», демократизировать мирным путем фабричные распорядки. Один из крупнейших идеологов социал-демократии, Карл Реннер, тарифный договор, заключаемый между предпринимателями и рабочими, называет «социализацией зарплаты». «Социализм» уже рождается, происходит процесс «социализации зарплаты»! Если на

фабриках нужно добиться их демократизации через мирную работу фабрично-заводских комитетов, то нужно добиться и демократизации трестов. Гильфердинг в одной из своих статей пишет, что магнаты капитала делают, по сути дела, сами того не сознавая, марксистское дело,— они-де идут в сторону организованного хозяйства, тем самым готовя социализм. Обобщая, социал-демократическая теория выставляет, в качестве основного лозунга, лозунг «хозяйственной демократии». Это значит: через фабрично-заводские комитеты, через профсоюзы мирно «можно» переделать и фабрики, завоевав их — без всякой революции — на демократический лад, и тресты, и любой концерн, и любую группу банков. Это называется «хозяйственной демократией»! При этом, очевидно в утешение рабочему классу, говорится, что этот процесс должен продолжаться сотни лет. Один из идеологов движения, Карл Цвейг, в своей книге «Социология профдвижения» пишет:

«Подобно тому, как в политике, где ноябрь 1917 г. завершил в упорных боях длящееся столетиями развитие к политическому равноправию, — подобно этому осуществление равноправия в области хозяйства требует также длительного исторического развития. Мы стоим только... в начале этого развития».

Вся установка — на демократизацию капиталистических фабрик, на демократизацию капиталистических трестов, на демократизацию капиталистических банков. А дальше — идет мирная демократизация государства.

Гильфердинг выставил недавно тезис, что нельзя говорить о том, что в Германии, в Австрии и проч. есть буржуазная демократия. По его мнению, говорить о буржуазной демократии нелепо. Есть, мол, демократия «вообще», и через нее рабочий класс «демократизирует» все государство. От этой теории стошнило даже коллегу Гильфердинга — Макса Адлера. Но всей социал-демократией она была встречена «бурными аплодисментами»... Эта теоретическая и практическая установка продолжается и дальше: если можно мирно демократизировать фабрики; если можно мирно демократизировать тресты; если можно мирно демократизировать банковские концерны; если можно мирно демократизировать отдельные государства, — то, конечно, можно и должно, и нужно демократизировать... Лигу наций при положительном отношении к ней! Так выставляется лозунг демократизации Лиги наций, как главный лозунг внешней политики, и «американская» идея сотрудничества классов находит свое увенчание. В этом отношении чрезвычайно характерно со всех точек зрения выступление г. Альберта Тома. Он работает в отделе труда Лиги наций, он являет-

ся одним из французских социалистов, он является членом II Интернационала, он имеет связи в профсоюзных амстердамских кругах. И вот этот самый индивидуум, приехавший на собрание одной предпринимательской организации в Берлине, произнес речь, которая отпечатана в журнале «Предприниматель» («Arbeitgeber»), выходящем в Берлине (№ от 15 октября 1927 г.). Разрешите мне прочесть цитату из его речи. Тома говорит:

«В виду последствий войны, — если следовать ходу мыслей вашего министра иностранных дел, — как раз в Германии вспыхнула мысль, что необходимо притти к соглашению, взаимному пониманию и взаимному сближению. Я смею повторить, что не раз испробованная и не раз терпевшая крушение мысль о сотрудничестве вновь появилась на сцене. Мы ищем этого трудового сотрудничества. Эта мысль выражается и в уже упомянутой статье г-на Борзига. Я нахожу ее и в речи г-на Зильберберга. Ее выражение имеется и в ряде других мест. Характерно то, что привез с собой один из моих сотрудников, который долгое время был в Америке. Там имеется то же самое стремление к соглашению. Равным образом и в Англии в течение последних недель главной мыслью и главной заботой хозяйственных кругов стало — найти хозяйственный

мир, который бы был в состоянии положить конец непрочности социальной обстановки. В Италии (!) правительство и заинтересованные круги точно так же стремятся найти подобного рода соглашение, и мы во Франции озабочены теми же заботами».

Вот вам «установочка»! Раньше кричали: Муссолини — бандит, фашист и пр. Теперь говорят: в Италии «правительство и заинтересованные круги» (т. е. от'явленные капиталистические плуты) очень «озабочены» этими милыми идеями о соглашении между трудом и капиталом! Тут законченная со всех сторон система. Положительное отношение к трестам, положительное отношение к строительству капитализма, к банкам, к государству, к Лиге наций, при робкой и в то же время шарлатанской проповеди эволюционным путем демократизировать эту машину, находящуюся в руках у заклятых врагов рабочего класса, — вот «программа» нынешней социал-демократии!

Упомяну еще о том, что за последнее время почти везде крупнейшие социал-демократические партии усиленно разрабатывали вопрос об аграрной программе, по-своему «используя» «русский опыт». Целый ряд партий принял наново аграрные программы, и все эти аграрные программы своим существенным моментом имеют вовлечение крестьянства через крупные его слои в то же самое

лоно-развивающихся капиталистических отношений, в общий процесс строительства капитализма, на основе апологии капиталистического режима в его целом. Владимир Ильич когда-то говорил, что оппортунизм может развивать свою теоретическую и политическую концепцию в разных терминах, в том числе и марксистских. До последнего времени было дело таким образом, что социал-демократический оппортунизм изо всех сил старался проповедывать свой оппортунизм в марксистских терминах, используя фразеологию Маркса. Но теперь происходит процесс сдачи даже этих терминов. Мы имеем прямую капитуляцию перед идеологами буржуазии и мы имеем капиталистическую практическую и капиталистическую теоретическую установку со стороны социал-демократии. Никогда еще расхождение между нами, коммунистами, и социал-демократами сверху донизу не было так грандиозно велико. Никогда еще такая пропасть не лежала между нами, как сейчас.

Само собой понятно, что из положительной установки к капиталистической рационализации, к любому капиталистическому предприятию, к любому капиталистическому государству и к Лиге наций, несомненно, вытекает и позиция не только в малых вопросах очередной классовой борьбы, но и в великих вопросах современности и в первую очередь в вопросе о войне.

VI.

ВОПРОС О ВОЙНЕ И ГРУППИРОВКИ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ. С.-Д. И АМСТЕРДАМ.

Вопрос о войне в настоящий момент является самым революционизирующим вопросом и в то же самое время центральным вопросом «большой политики». Влияние СССР сейчас есть влияние другого типа, чем было раньше, и поэтому и вопрос о войне сейчас стоит по-другому среди широких масс западно-европейского пролетариата. В начале нашей революции, в 1917 году, некоторые слои рабочего класса защищали попытку рабочего класса взять власть с неизвестными еще и неосознанными перспективами того, что будет происходить в дальнейшем. Во время гражданской войны они оказывали нам помощь в условиях, когда не был поставлен еще вопрос о всеевропейской «настоящей» войне против Советского Союза, и когда в нашей стране — в СССР — тоже еще были сомнительны те пути, по которым пойдет в дальнейшем наше развитие. В голодное время

влияние СССР сильно пало, и хотя целый ряд прослоек рабочего класса защищал нас, но защищал не в таком большом и широком масштабе и без того понимания хода развития, перспектив развития; более того: налицо имелось известное чувство сомнения, удастся ли этот, как выражаются буржуазные и социал-демократические идеологи, «эксперимент, который на живом теле русского народа производится большевистским советским правительством». Больше того: даже в период восстановления нашей хозяйственной жизни еще были сомнения у европейского рабочего класса, за чей счет, какими путями это хозяйство восстанавливается; ибо вся социал-демократическая печать, вся социал-демократическая пресса утверждала, что возрождение происходит только на капиталистической основе, т. е., что налицо имеется лишь движение вспять: сделана, мол, была уступка буржуазии (нэп). Вырастают новые зеленя и новые всходы капиталистического режима. Они оплодотворяют эту дикую и дошедшую до людоедства варварскую страну. Неизвестно еще, что выйдет. Такие мысли бродили в головах немалого количества рабочих. Но то влияние, которое СССР имеет сейчас, это есть такое влияние, когда все более широкие слои западноевропейского рабочего класса, вопреки различным разглагольствованиям оппозиции, которые нам в этом отношении вредят до чрезвычайности, вопреки

всему этому идут сейчас за нами. Они идут во все возрастающей степени именно потому, что определились в основном пути нашего развития и уже сделаны большие достижения на этом пути социалистического развития. Они защищают уже реальное социалистическое строительство, и не только зародыши этого реального социалистического строительства, но и известные его достижения. Это — огромнейшее принципиальное различие. Западно-европейские рабочие, в первую очередь такой рабочий, как германский, связывают свое революционное стремление или зародыш своего революционного стремления с величайшей практичностью, с требованием доказательств, с требованием реальных успехов и достижений. И когда мы имеем сейчас рост симпатий к СССР, — основой этого является великая строительная работа нашего рабочего класса. Поэтому по-другому стоит сейчас проблема СССР в глазах масс рабочего класса Западной Европы. Поэтому по-другому стоит сейчас и вопрос о войне. Поэтому же самым острым образом стоит и наша размежевка с социал-демократией. Проблема СССР и империалистской войны есть главная ось «большой политики» в Западной Европе. В ближайшее время будем иметь ряд выборов: во Франции, Англии, Германии, Польше и др. странах. И вот в такой стране, как Англия, в такой стране, как Франция, и даже такой стране,

как Германия, вопрос об отношении к СССР будет одним из главнейших вопросов всей избирательной кампании. Несмотря на то, что кто-то хочет улизнуть от этого вопроса, вокруг него будут вращаться выборы в целом ряде стран. И вот, благодаря тому, что на почве обострения классовой борьбы, на почве полевения рабочего класса, на почве несомненного роста симпатии к СССР, на почве обострения колониальных проблем, будет вестись борьба; благодаря тому, что очень силен напор рабочих низов на верхушки социал-демократии, эта последняя вынуждена «маневрировать». Мы за последнее время, с одной стороны, имеем совершенно определенную, более правую, чем раньше, установку в кругах Амстердамского интернационала и в кругах II Интернационала и в то же самое время некоторый, по видимости, «левый» маневр, которым социал-демократия оперирует против нас. Сейчас одним из положений социал-демократии, которое выставляется в этом вопросе, является такого рода положение: не против СССР, а против коммунистов. В «Форвертсе» не так давно была отпечатана (что очень интересно и очень показательно) статья, цитату из которой я сейчас вам приведу. Она гласит:

«Мы охотно поддерживали бы трезвую деловую работу в России. Она ведется во имя социализма, а потому мы также в ней заинте-

ресованы. Ребячество думать, будто бы мы, германские социал-демократы, хотим зла России. Мы отвергаем деспотические методы, с помощью которых там все еще ведется политика. Но если русские с их методами экономической политики добьются больших и ярких успехов, то кому это будет более приятно, чем нам? (Смех.) В этом случае Россия станет страной великого опыта, и при будущих выборах и всенародных голосованиях в Германии громадное большинство будет стремиться достичь демократическим путем того, что в России достигнуто путем диктатуры. (Смех.) Свобода и демократия ведь не являются лишь сопутствующим явлением загнивающего капитализма и дьявольским изобретением буржуазии. Будем ее защищать».

И дальше (это уж из другой плоскости рассуждений, но я уж буду продолжать эту цитату):

«Кто знает, не перейдут ли на ее (демократии. — *Н. Б.*) сторону в один прекрасный день Троцкий, Зиновьев, Смилга и... как их там еще зовут». (Смех.)

Последнюю тему я оставляю в стороне, потому что мне это сейчас совершенно не интересно, а возвращаюсь к смыслу всего маневра. Что он означает? На деле он означает не что иное, как со-

циал-демократическое «воспроизводство» той политики, которая сейчас ведется Чемберленом. Чемберлен говорит нам: «Пожалуйста, мы не против того, чтобы с вами торговать, но только будьте любезны закрыть Коминтерн». Социал-демократия говорит: помилуйте, мы всегда были за ваш великий опыт социалистического строительства, но будьте любезны, не переносите коммунистических и деспотических методов, этой заразы, в нашу страну.

Что это значит? Или: дайте директиву «вашим» компартиям, чтобы они прекратили свою работу; или: *сразу* захлопните Коминтерн. К этому же сводится все дело. Трудно кричать сейчас *открыто* против СССР, ибо настроения *масс* не таковы. *Поэтому* делают глазки по адресу СССР. А, с другой стороны, в то же самое время изо всех сил напирают против коммунистов. Смысл этого маневра становится, таким образом, чрезвычайно прозрачен.

Интересно еще другое. За последнее время с.-д. пытались и по линии Коминтерна закинуть удочки. От Независимой рабочей партии в *Англии* мы получили письмо на предмет, нельзя ли об'единить II и III Интернационалы. (Люди притворяются, будто не понимают, что коммунисты никогда не пойдут на об'единение с предателями.) Президент *германского* рейхстага, социал-демократ Лёбе, сделал заявление, в котором он го-

ворит, примерно, то же самое, что и «Форвертс». В Австрии Отто Бауэр произнес точно так же речь аналогичного типа, и т. д.

Само собой разумеется, что на этот маневр коммунистическая партия должна ответить усилением контр-атаки против социал-демократии, ибо основной смысл этого маневра, повторяю, есть воспроизведение капиталистического маневра. Это нужно сделать тем более, что и относительно СССР они наглым образом лгут. Ибо эти их «симпатии» для СССР есть лицемерие от начала до конца. Почему? Приведу такое выступление, как доклад на последнем партийном с'езде германской социал-демократии в Киле, прочитанный Рудольфом Гильфердингом, вхожим в финансовые круги Германии. Главная идея этого доклада — государственный капитализм, который нужно поддерживать всеми мерами. Логически с этой идейной осью доклада увязано и замечание относительно августа 1914 года, из которого следует, что социал-демократия с особым рвением будет повторять политику империалистской войны. Представьте себе теперь, что Германия будет на стороне наших врагов (что более чем вероятно). Что же будет делать германская социал-демократия, из всей установки которой вытекает, что она должна защищать гинденбурговскую «демократию» против «деспотических методов» большевизма? Это очень ясно. С этой точки зрения все эти разговоры отно-

сительно сочувствия СССР — явный и злостный обман масс. В вопросе о войне верхушки социал-демократии, вероятнее всего, ведя политику против нас, будут прикрывать это самыми демократическими «теориями». Они скажут: выдвигается такая мировая организация, как Лига наций, которая, правда, имеет свои недостатки, которая не слишком демократична, которую «мы» можем демократизировать, но которая воплощает волю народов к действительному миру, и проч.; а ей не подчиняется эта деспотическая, азиатская олигархия большевиков, которая сама, по утверждению Троцкого, Смилги и Зиновьева, прогнила, переродилась и проч. Что нужно поддержать: этот мир народов, воплощаемый Лигой наций, или прогнившую олигархию Советского Союза? И поэтому они «с чистой» совестью пойдут против нас. Не подлежит никакому сомнению, что они напорятся на сопротивление «своих» же рабочих, но вся их государственно-капиталистическая установка — есть орудие контрреволюции в борьбе против социализма и внутри страны и в области международной политики. Эта установка приходит сейчас с каждым днем во все более и более решительное противоречие со складывающейся установкой самого рабочего класса, ибо, повторяю, никогда еще симпатии к Советскому Союзу не были так велики, как сейчас; ибо никогда еще идея защиты Советского Союза не была так популярна,

как сейчас. Рабочие делегации, движение за СССР, клятва фронтовиков в Германии, демонстрации, которые были в наиболее тяжелое для нас время, — все это шажки в сторону развязывания революционных сил рабочего класса.

Пару слов о конгрессе друзей Советского Союза. Это тоже означает нечто новое. В первой рабочей делегации был максимум делегатов-коммунистов, во второй было меньше, а в последней был наименьший процент коммунистов в составе делегации и наибольший процент социал-демократов. И тем не менее настроение этих социал-демократов было наиболее хорошее, потому что социал-демократическая часть гораздо лучше усваивала себе наше решение вопросов социалистического строительства, чем это было раньше. Почему? Да потому, что положение Советского Союза не то. Вот почему и по принципиальному вопросу — о войне — у нас неизбежно есть, будут, должны быть ожесточеннейшие бои с социал-демократами за душу рабочего класса, за массовое влияние на рабочий класс. Коммунистический Интернационал поставил на своем последнем пленуме очень остро военную проблему и разработал большие тезисы по военному вопросу. Мы центральным лозунгом для теперешнего момента взяли не лозунг мира, а лозунг защиты СССР, защиты русской и китайской революции. Не пацифистский, абстрактный лозунг мира, а конкретный лозунг боевого действия. Мы

определили лозунг для солдат империалистических армий, не только пораженческий лозунг по отношению к своему отечеству, но мы выдвинули лозунг прямого перехода из войск противника на сторону Красной армии, поскольку речь идет о борьбе между империалистическими государствами и Советским Союзом, как диктатурой рабочего класса. Мы выработали подробнейшие указания коммунистическим партиям насчет работы в этом отношении и мы уверены, что коммунистическим партиям на этот раз удастся повести за собой большие массы рабочего класса, если буржуазия рискнет напасть на Советский Союз. И как раз на этом вопросе о подготовке к действию, — она должна уже начаться, она началась, она идет систематически, она должна продолжаться, — на этом вопросе у нас были и будут в будущем еще более острые бои с социал-демократией, которая всей своей установкой, всей своей теорией, всей своей практикой стоит горой за капиталистический режим и является одним из самых крупных барьеров, который нам придется брать.

VII
БОРЬБА ЗА МАССЫ И ТАКТИКА ЕДИНОГО ФРОНТА.

Выше было уже отмечено, что за последнее время внутри рабочего европейского класса происходят такого рода перегруппировки, что растем и мы, растет и социал-демократия.

Где корни влияния социал-демократии? Корни влияния социал-демократии сейчас в стабилизации капитализма, в слоях служащих, в рабочей аристократии (в особенности в трестированных отраслях), в воскресающей периодически надежде на процветание и расширение «своей» капиталистической промышленности, в пацифистском обмане со стороны социал-демократии и, наконец, в игре социал-демократии в оппозицию (ибо в настоящее время социал-демократия, которая сидела некоторое время назад в правительствах, изображает из себя «оппозиционную» партию, трогает некоторые оппозиционные клавиши и на этом отсиживается от напора против нее со стороны низов рабочего класса).

Корни влияния коммунизма — в противоречиях стабилизации, в опасности будущей войны вообще и против СССР в особенности и, наконец, в поправении социал-демократических верхов.

Этот процесс ставит перед нами в упор проблему: должны ли мы целиком и полностью продолжать, ни на иоту не изменяя, тактику единого фронта в настоящее время, в настоящих условиях, точно так же, как это было два года назад? Или мы должны в тактику единого фронта внести какие-то новые нотки, поставить известные новые ударения, сделать известные выводы из некоторых перемен в об'ективной обстановке, из некоторых перегруппировок внутри самого рабочего класса? Мы полагаем, что нужно поставить некоторые новые ударения. (Голоса: «Правильно!») И эти новые ударения идут по линии обострения борьбы с социал-демократическими лидерами и Амстердамским Интернационалом. И поэтому особенностью тактики единого фронта в настоящее время является решительное применение тактики единого фронта снизу. Здесь — весь центр тяжести. База для этого в рабочем движении есть; база для верхушечных комбинаций в настоящее время гораздо меньше, чем раньше, потому что имеется поправение этих верхов, несмотря на некоторые их «левые» фокус-покусы. Но общая генеральная установка в тактике единого фронта должна заключаться в настоящее время в том,

чтобы мы еще больше, чем раньше, смотрели на низы, именно в эту сторону повернули руль нашей тактики.

Тактика единого фронта развертывается и должна быть развернута по целому ряду направлений. В области борьбы с военной опасностью — это есть проблема обостренной борьбы с социал-демократией и, в особенности, борьбы с пацифизмом, который представляет собой реальную угрозу и который еще, к сожалению, силен среди рабочего класса; развития кампании за поддержку СССР; работы во всех видах массовых беспартийных организаций; использования успехов последнего конгресса друзей СССР; работы в такой организации, как антиимпериалистическая лига; устройства конгрессов в национальном масштабе, где это возможно, на оборону, на защиту, на поддержку Советского Союза; использования последних дипломатических выступлений СССР в Женеве, направляя свои удары против пацифизма. Это есть наша непременнейшая обязанность. Организация широких беспартийных конференций, конгрессов, комитетов действия, где это нужно, т. е. при обострении ситуации, должна входить в эту большую программу нашей тактики единого фронта. Мы, товарищи, должны, далее, поставить перед собой с особой резкостью ту проблему, которая стояла в качестве одной из решающих проблем и до сего времени, а именно проблему профсоюзов и единого фрон-

та. Профсоюзы, это — одна из самых острых, самых мучительных, самых трудных проблем всего нашего движения. В первую очередь нам необходимо в этой новой обстановке определить свою линию работы в профсоюзах. Вы знаете, что у нас в ряде коммунистических партий есть не только то недостатки, что мы все еще плохо работаем в профсоюзах, но очень часто есть и тот недостаток, что неизвестно, в чем должна состоять коммунистическая работа в профсоюзах, неизвестно, что здесь нужно выдвинуть на первый план, что взять осью для этой работы в реакционных профсоюзах.

Мне кажется, товарищи, что из всего того, что я сказал, вытекает с абсолютной несомненностью, что коммунистическая установка должна быть такой установкой, которая шла бы против идей классового сотрудничества и всей контрреволюционной социал-демократической идиллии. Социал-демократическая установка есть «конституционная фабрика», «демократизации трестов», сотрудничество с капиталистами, арбитражные комиссии, решение «по соглашению» всех вопросов и т. д., это есть установка «промышленного мира». Наша установка есть установка обострения классовой борьбы: против трестовского капитала, против всякого сотрудничества с капиталом, против такой политики фабрично-заводских комитетов, которая втягивает фабрично-заводские комитеты и

через них рабочий класс в строительство капитализма, против принудительных арбитражных соглашений, против того, что связывает руки рабочему классу; за стачечную борьбу, за расширение классовой борьбы, за наиболее острую постановку вопроса о заработной плате, за наиболее острую постановку вопроса о безработице, за наиболее острую постановку вопроса о рабочем дне, за обострение стачечной борьбы против всяких тенденций промышленного мира и против всяких лозунгов, которые могли бы дать понять или намекнуть, что мы в настоящее время идем по фарватеру социал-демократии. Здесь в скобках я замечу, что совершенно неправильно, когда отдельные товарищи, — а их было не очень много, — выставляли лозунг «контроля над производством» в настоящий момент, да еще как лозунг, об'единяющий всю нашу профсоюзную работу. Это — неправильная установка; лозунг рабочего контроля над производством правилен в революционной обстановке, когда он перерастает в лозунг захвата предприятий и проч.; вне этой непосредственной революционной обстановки этот лозунг неизбежно звучит, как лозунг, взятый напрокат из оперы о «хозяйственной демократии», об эволюционном завоевании фабрик. Это неправильно. Ни национализация для капиталистических стран, ни коммунализация, ни передача от частных капиталистов в руки государства, ни лозунг рабочего

контроля, ни весь этот комплекс государственно-капиталистических лозунгов неприемлем с точки зрения Коминтерна. Так ставил вопрос и III конгресс Коминтерна, проходивший под непосредственным руководством тов. Ленина. На эту ноту нам сбиваться ни в коем случае нельзя. Организационно наше лицо должно состоять в том, что мы должны требовать, особенно в виду роста мощнейших предпринимательских организаций, об'единения профсоюзов по отраслям производства, об'единения их в соответствующие картели профсоюзов и т. д. и т. д. Нам необходимо обратить внимание в связи с этим и на решительное усиление работы в профсоюзах, ибо профсоюзы — это есть главный приводный ремень социал-демократии, это есть главная их цитадель. Нам нужно обратить внимание на усиление красных профсоюзов, наших собственных организаций, где они есть. Нам необходимо обратить внимание на вербовку неорганизованных, на работу среди профессионально-неорганизованных рабочих. Их чрезвычайно много даже в таких странах, как Франция. Они еще непочатый резервуар для работы. Их еще много в такой стране, как Чехо-Словакия. Они существуют и в такой стране, как Германия. Необходимо здесь всемерно усилить нашу работу. Мы должны в настоящее время точно так же и усилить борьбу за международное единство профессионального движения, мы

обязательно должны усилить работу Профинтерна и упорядочить отношения между ВЦСПС и Профинтерном. Товарищи, мы должны иметь в виду, что мы имеем кое-какой опыт в этом отношении и можем притти к целому ряду результатов. У нас сорван английскими оппортунистами Англо-Русский комитет. По сему поводу здесь тов. Каменев говорил: Англо-Русский комитет по вашей вине погиб «бесславной смертью». Ну, хорошо, если бы «мы его взорвали во время английской стачки», — это означало бы его славную погибель? Я этого никак не понимаю. Тоже был бы бесславный (для английских оппортунистов) конец. Рассуждать по-каменевски, это значит исходить из зиновьевских надежд, что мы с помощью АРК могли бы «преодолеть реформизм в Европе». На этом пункте я не буду останавливаться подробно, ибо это у нас в зубах навязло. Я должен сказать только мимоходом в нескольких словах, что когда разрыв произошел на самом остром вопросе международного движения, на вопросе о войне, и когда одиум за разрыв оказался на стороне англичан, то такое положение может служить теперь нашей разоблачительной платформой на чрезвычайно долгое количество месяцев, если не лет. Ибо именно по главнейшему вопросу, затрагивающему рабочий класс всех стран, эти оппортунисты сорвали Англо-Русский комитет. Но, товарищи, из-за того, что лопнул Англо-Русский комитет, мы разве дол-

жны оставить в стороне вопрос относительно единства профессионального фронта?

Конечно, нет. Мы должны пустить в ход другие руки, другие рычаги. Мы должны всемерно усилить Профинтерн, всемерно усилить работу советских профессиональных союзов, чтобы профсоюзы СССР работали в Профинтерне и вне его, чтобы они помогли, с своей стороны, укрепить Профинтерн.

Мы должны заключать политические «договоры дружбы» с другими профсоюзами, но должны помнить, что центр тяжести лежит здесь в низовой работе по сплочению масс.

Мы имеем в целом ряде стран «группы единства», но эти «группы единства» не об'единены между собой, и нет централизованного руководства ими, они стоят на отлете. Это неправильно, с этим нужно покончить. Мы сейчас завязали связи с целым рядом профсоюзов восточных стран. Тов. Лозовский будет, вероятно, докладывать о тихоокеанской конференции. Чтобы охватить колоссальнейший круг проблем по существу и усилить работу во всех этих областях, нам нужна организационная помощь. Усиление международной борьбы по профессиональной линии вытекает из всего создающегося положения. Оно особенно диктуется международным положением, и на это нужно парт-с'езду обратить особое внимание.

Наконец, товарищи, нужно сделать известные выводы и для предстоящей выборной борьбы.

Как я уже докладывал, мы будем иметь ряд избирательных кампаний: в Англии, Франции, Германии и Польше. Перед нами стоит здесь вопрос о борьбе за единый фронт. В виду международного положения и особых условий момента должны быть сделаны какие-нибудь изменения в нашей борьбе, в нашем отношении к левым буржуазным партиям, к социалистическим партиям и прочее? Легко могла бы появиться идея, что в виду сложности международного положения СССР нам нужно поступать *помягче* по отношению к социал-демократическим партиям. Однако, из всего анализа, который я давал в предыдущем изложении, вытекает, что наша избирательная кампания должна быть использована именно для того, чтобы мы постарались доказать рабочим, что коммунистическая партия есть *единственная* революционная партия рабочего класса.

Возьмем *Англию*: там борьба со стороны консерваторов ведется бешеная. Не исключен блок между либералами и оппортунистической рабочей партией. Рабочая партия по целому ряду важнейших вопросов капитулировала перед своими буржуазными партнерами. В вопросе о Москве, о китайской революции, о борьбе против билля они нагадили за этот отчетный период столько, как никогда еще не гадили за все время предыдущего своего существования.

Некоторые английские товарищи ссылаются на то, что Ленин в «Детской болезни левизны» писал о необходимости толкать Рабочую партию к власти. (Между прочим, большая ошибка думать, будто Ленин представлял дело так, что мы должны голосовать за Рабочую партию — и только. Ничего подобного. Он предполагал компромисс, дележку мандатов и проч.). Но теперь оперировать этими аргументами Владимира Ильича нельзя, потому что налицо теперь другая обстановка. Вряд ли можно сказать, что мы теперь должны «толкать» Рабочую партию к власти, ибо Рабочая партия уже была у власти; а когда писал Владимир Ильич, он имел в виду, что нам нужно это для того, чтобы лучше ее разоблачить. Но теперь мы никак не можем зачеркивать то, что уже было. Наоборот. Мы должны со всей силой разоблачать лидеров рабочей партии за их изменническое поведение в таких вопросах, как стачка горняков, как китайская революция, как вопрос о СССР, о профсоюзном билле и прочее.

Брать лозунги и тактическую ориентацию из давнишней обстановки и переносить их на кардинально другую обстановку, это не значит выполнять заветы Владимира Ильича. Это значит ничего не понимать в ленинской тактике. Сейчас необходима такая тактическая линия, когда мы в целом ряде мест выставляем своих собственных кандидатов против кандидатов Рабочей партии, выступаем как самостоятельная партия, имею-

щая свое самостоятельное лицо, бешено разоблачаем лидеров Рабочей партии. Мы, другими словами, должны взять более решительные ноты, чем брали раньше.

Франция. Во Франции дело обстоит таким образом: быть или не быть кабинету Пуанкаре; точно так же и здесь может быть такое соображение: необходимо-де поддерживать общий «левый картель», потому что правительство консерваторов несет за собою опасность для Советской России. Эта ориентация была бы неправильна.

Мы должны готовить нашу французскую партию к настоящим боям. Она ни разу не была еще обстреляна картечью. Она будет обстреляна картечью. Ей предстоят серьезные бои, в особенности в случае серьезного конфликта, и нам нужно эти выборы, которые предстоят во Франции, вести таким образом, чтобы французская коммунистическая партия показала всему рабочему классу, что с одной стороны стоит буржуазия и ее социалистические подголоски, а на другой стороне баррикады стоит коммунистическая партия, как единственная революционная партия рабочего класса. Это, само собой разумеется, не исключает предложений единого фронта и голосования в отдельных случаях за социалистических кандидатов, когда могут пройти реакционные кандидаты. Но, например, голосование за левую буржуазию было бы ошибкой. Это сейчас недопустимо. В Германии необходимо

будет разоблачать социал-демократию, готовящуюся к «широкой коалиции». В Польше не обращаться с единым фронтом к верхушке ППС. Я считаю, что в Польше незачем обращаться к этим гнусным пилсудчикам, у которых не осталось за душой ни атома от пролетариата (аплодисменты), а нужно обращаться к низам ППС.

Таким образом мы должны: перенести центр тяжести при проведении тактики единого фронта на низы, обострить нашу борьбу против социал-демократии и в частности против так называемых «левых» социал-демократических вождей; всю нашу агитацию строить на увязке повседневных требований рабочего класса с большими вопросами политики, в первую очередь с вопросом о войне, подводя массы к центральному лозунгу, лозунгу диктатуры рабочего класса.

VIII.

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ И КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

Перехожу теперь к колониальному вопросу. Уже из предыдущего совершенно ясно вытекает, насколько важен этот вопрос в настоящее время и с точки зрения хода международной революции и с точки зрения положения мирового капитализма (проблема рынков). Если в настоящее время капиталистический мир вообще испытывает острую нужду в рынках, и если снова остро стала проблема колониального передела, то это означает, что кризис всего капиталистического мирового хозяйства наиболее ярко проявляется сейчас как раз на колониальной периферии мирового капиталистического хозяйства. Целый ряд колониальных восстаний: восстание в Сирии, движение в Египте, восстание в Марокко, большое восстание в Голландской Индии (Индонезии), непрекращающееся брожение в Индии и, наконец, великая китайская революция, — все это вместе взятое ставит перед

капиталистическим миром особенно остро проблему колоний. Сюда присоединяется еще целый ряд конфликтов и целый ряд противоречий между мощными капиталистическими странами и странами полуколониальными, являющимися об'ектом колониальной политики крупнейших империалистических стран. В особенности за последнее время обострился ряд таких противоречий и конфликтов между Соединенными Штатами Америки, с одной стороны, и Мексикой, Никарагуа и странами Латинской Америки — с другой. Вы знаете, что в последней своей речи Кулидж — президент Соединенных Штатов — счел уместным остановиться на особливо «умиротворяющей» роли Соединенных Штатов, «умиротворяющей» роли, которая в первую очередь состоит в том, что Соединенные Штаты Америки и с оружием в руках и другими методами подавляют освободительные стремления в странах Центральной и Южной Америки.

Колониальная проблема, несмотря на целый ряд общих черт ее в различных странах, представляет тем не менее такой сложный и разнообразный комплекс проблем, что нельзя дать сплошного, одинакового решения ее для различных стран. Здесь безусловно необходимы различные тактические политические варианты, потому что экономические условия, а следовательно и классовые соотношения в различных колониальных и полуколониальных

странах значительно отличаются друг от друга. Если, например, вы возьмете такую страну, как Индия, с ее сравнительно развитой капиталистической индустрией, с ее сравнительно развитыми городами, с имеющимся в наличии довольно многочисленным индустриальным пролетариатом, и такие страны, скажем, как Персия, Афганистан или Египет, то вы увидите, насколько различны здесь условия нашей борьбы. Поэтому было бы совершенно неправильным, если бы мы выставляли какую-нибудь одну, единственную тактическую формулу, годную для всех колониальных и полуколониальных стран. Различие между ними настолько значительно, что, исходя из общей ленинской постановки колониального вопроса, нам необходимо будет решать, — и это есть единственно правильная точка зрения, — относительно нашей тактики в той или другой колониальной или полуколониальной стране на основе совершенно конкретного анализа экономических, социально-классовых и политических условий данной страны.

Вы, товарищи, знаете, что еще на II конгрессе Коммунистического Интернационала вопрос о колониях, о колониальных движениях, колониальных восстаниях, колониальных войнах был поставлен во всей его принципиальной глубине. Во время нашей предс'ездовской дискуссии не раз ссылались на то положение, которое со всей силой, со всем упором выдвигал Владимир Ильич, а именно,

что мы должны резким образом отличать страны господствующего империализма — с у б ' е к т ы колониальной политики — от стран угнетенных, от колоний, которые являются о б ' е к т а м и колониальной политики, об'ектами колониальной эксплоатации и колониального угнетения со стороны крупных империалистических держав.

Вы помните, что в партии еще во время войны ряд товарищей, в особенности пришедших в нашу партию из других лагерей, в противоположность Владимиру Ильичу по-иному ставили этот вопрос. Они полагали, что в тех странах, где господствует колониальное угнетение со стороны империализма, мы должны вести примерно такую же политику, как и в странах, являющихся суб'ектом империалистической политики, т. е. империалистическими странами. Во время войны т. Радек выступил по поводу ирландского восстания со статьей, в которой он, констатируя, что во главе ирландского восстания стоит не пролетариат, а буржуазия (часть этой ирландской буржуазии), об'явил, что это восстание — чужое нам дело. Владимир Ильич обрушился тогда на эту точку зрения, заявив, что отказ от поддержки такого рода национально-освободительных восстаний есть прямая помощь империализму господствующих наций. По сути дела у Радека тогда было то, что можно с полным правом назвать социал-демократическим уклоном в национальном вопросе, потому что точка зрения

социал-демократии состоит именно в отказе от поддержки национально-революционного движения и колониального движения под тем предлогом, что очень часто, в особенности на первой стадии их развития, во главе их стоит не рабочий класс, и что поэтому, дескать, пролетарским революционерам нет никакого дела до этих национальных буржуазных движений.

Владимир Ильич против этого выставлял то положение, что с точки зрения международной революционной борьбы пролетариата против империализма национально-освободительные движения, движения колониальные, колониальные восстания и прочее есть фактор, который ослабляет нашего главного империалистического врага, и что отказ от поддержки таких движений — даже в тех случаях, когда во главе их стоит отнюдь не пролетариат, а, скажем, национально-революционная буржуазия, — является прямой помощью великодержавному шовинизму, прямой помощью империалистическому государству. Именно отсюда для т. Ленина вытекала возможность поддержки при определенных условиях национально-революционной буржуазии. В нашей литературе и в наших речах мы неоднократно приводили те условия, при которых Владимир Ильич считал возможным поддерживать национально-освободительные движения. Если национально-революционная буржуазия действительно ведет борьбу против империализма

и если она дает нам возможность на революционной базе организовывать и воспитывать массы рабочих и крестьян, то мы должны оказывать ей поддержку, то мы можем итти с ней вместе. Мы приводили целый ряд этих цитат из Ленина, и приводить их снова я не буду, а позволю себе привести другие цитаты из Владимира Ильича, которые не приводились и которые еще более отчетливо ставят этот вопрос во всей его принципиальной глубине. В полемике против т. Пятакова, выступавшего в свое время под псевдонимом Киевского, Владимир Ильич выставляет целую серию аргументов против положений т. Пятакова, который утверждал, что в эпоху империализма нигде нельзя говорить о национальной общности, что лозунг права наций на самоопределение есть признание права на защиту государственного целого, что точка зрения, развиваемая т. Лениным, означает не что иное, как проведение национального блока между буржуазией и пролетариатом, и что, по сути дела, эта точка зрения ведет к социал-патриотизму. Против этих взглядов т. Пятакова Владимир Ильич выступил с необыкновенно интересной статьей, которую чрезвычайно полезно перечитывать, потому что она содержит большое богатство мыслей по разным направлениям, и в первую очередь в связи с национальным и колониальным вопросом. Владимир Ильич прежде всего разбирает вопрос: можно ли пролетарской партии в известных условиях го-

ворить о национальной общности? Тов. Пятаков утверждает, что нельзя, Владимир Ильич защищает положение, что можно. Как защищает? Вот как он говорит:

«В этих передовых странах (Англия, Франция, Германия и пр.) национальный вопрос давно решен, национальная общность (т. е. общность между классами. *Н. Б.*) «давно изжила себя», «обще-национальных задач» об'ективно нет. Поэтому только в этих странах возможно теперь же «взорвать» национальную общность, установить общность классовую.

Иное дело в странах неразвитых, в тех странах, которые мы выделили (в § 6 наших тезисов) во 2 и 3 рубрику, т. е. на всем востоке Европы и во всех колониях и полуколониях. Здесь еще есть, по общему правилу, угнетенные и капиталистически неразвитые нации. В этих нациях есть еще об'ективно обще-национальные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чуже-национального гнета». (XIII том соч. Ленина, стр. 369.)

Владимир Ильич ставит эту проблему в связь с общей проблемой международной революции. Очень часто многие товарищи исходили из представления о международной социалистической революции, как о чисто пролетарском движении, одно-

родном по своему составу, как о почти однократном акте, когда отдельные его части совершаются чуть ли не в одно и то же время. С другой стороны, т. Ленин указывал на то, что в свержении империализма крупнейшую роль будут играть и колониальные национальные движения, смыкающиеся с социалистическим движением пролетариата и развивающиеся под гегемонией последнего.

В полемике против Пятакова он, ставя вопрос о составных частях международной революции, пишет:

> «Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и ц е л ы й р я д демократических и революционных, в том числе и национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях». (XIII том соч. Ленина, стр. 369—370.)

Следовательно, Владимир Ильич брал и восстания наций колониальных и полуколониальных, национально-освободительные войны, как составную часть великого международного революционного процесса, раскинувшегося на целую громадную эпоху, и именно с этой точки зрения расценивал национально-освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах. Таков предварительный общий аргумент т. Ленина.

Владимир Ильич дальше прямо ставит вопрос относительно возможности — на определенном этапе — итти вместе с буржуазией колониальных и полуколониальных стран. Итак, первое положение, выставленное т. Лениным, гласит, что об'ективно в целом ряде стран существуют еще неизжитые общенациональные задачи, об'ективно в целом ряде восточных стран еще невозможно ставить себе задачу взрыва обще-национального единства. Это, конечно, общая формула, применение которой зависит от конкретного анализа той или иной страны, зависит и от учета этапов развития революции той или другой страны. Поддержку общенационального единства Владимир Ильич отнюдь не исключал (правда, это писано в 1915 г.), наоборот, считал правильным для целого ряда колониальных стран. И после этого Ленин ставит прямо в лоб ту самую проблему, которая дискутировалась в нашей партии относительно китайской революции. Тов. Пятаков считал, что никогда невозможно итти вместе с буржуазией, что никогда невозможно поддерживать общенациональный блок, т. Пятаков считал, что это обозначало бы разжигание национальной ненависти, ненависти не между классами, а между «нациями». Пятаков считал, что нельзя делать так, чтобы мы в странах империализма вели одну политику, а в странах угнетенных вели другую политику, считая это нарушением, как он тогда философски выражался, «мо-

низма» (т. е. единства) нашей политики. Против этого выступил Владимир Ильич. Он говорил:

«Если национальные восстания невозможны в «империалистическую эпоху», то П. Киевский не в праве говорить о них. Если они возможны, то все его бесконечные фразы о «монизме», о том, что мы «выдумываем» примеры самоопределения при империализме и прочее и тому подобное, — все это разлетается в прах. П. Киевский побивает сам себя.

Если «мы» активно сопротивляемся подавлению национального восстания, — случай, взятый, как возможный, «самим» П. Киевским, — то что это значит?» (XIII том соч. Ленина, стр. 371.)

Ленин отвечает на вопрос о том, что это значит, и посмотрите, как отвечает:

«Это значит, что «действие» получается двоякое, «дуалистическое», если употреблять философский термин столь же некстати, как некстати употребляет его наш автор: во-первых, «действие» национально-угнетенного пролетариата и крестьянства вместе с национально-угнетенной буржуазией против угнетающей нации; во-вторых, «действие» пролетариата или сознательной его части в угнетающей нации против буржуазии и всех идущих за ней элементов угнетающей нации». (Соч. Ленина, том XIII, стр. 371—372.)

Эта формула чрезвычайно показательна. Приложим это к Китаю в первую фазу развития китайской революции. В Китае был налицо тот факт, что национальная буржуазия вела активную борьбу против английского империализма. Какую тактику должны были мы применить по этой формуле Ленина? Тактику, рассчитанную на «дуалистическое действие». В странах империализма, например в Англии, пролетариат должен выступить против своей английской буржуазии; в стране угнетенной, в Китае, по этой формуле необходимо было действие национально-угнетенного пролетариата и крестьянства вместе с национально-угнетенной буржуазией. Следовательно, когда оппозиция утверждала, что Владимир Ильич исключал всегда и при всех условиях совместное выступление национально-угнетенного пролетариата вместе с национально-угнетенной буржуазией, ибо-де это есть меньшевистская тактика, то эти утверждения оппозиции на самом деле ничего общего с ленинской постановкой вопроса не имеют. Ленин прямо говорит относительно того, что нужно — в определенных условиях — выступать вместе с национально-угнетенной буржуазией. Но посмотрите, что пишет дальше Владимир Ильич, — это прямо не в бровь, а в глаз аргументации нашей оппозиции. Он пишет:

«Бесконечное количество фраз против «национального блока», «национальных ил-

люзий», против «яда» национализма, против «разжигания национальной ненависти» и тому подобное, — фраз, которые наговорил П. Киевский, оказались пустяками, ибо, советуя пролетариату угнетающих стран (не забудем, что автор считает этот пролетариат силой серьезной) «активно сопротивляться подавлению национального восстания», автор тем самым разжигает национальную ненависть, автор тем самым поддерживает «блок с буржуазией» рабочих угнетенных стран». (Том XIII соч. Ленина, стр. 372.)

То есть вы, таким образом, видите, что Владимир Ильич не только допускает возможность и целесообразность на определенных ступенях развития итти вместе с национально-угнетенной буржуазией, но он говорит о возможности поддержки блока с буржуазией угнетенных стран. Совершенно понятно, что это вовсе не есть сакраментальная, общая формула, которая годится для всякого этапа и всякого периода даже колониальных революций. Это само собой разумеется. Владимир Ильич, говоря о возможности «блока с буржуазией», несомненно обусловливал этот блок целым рядом условий. И в других местах, которые неоднократно цитировались уже с нашей стороны, он формулировал точно эти условия. Это — условия действительной борьбы национально-

революционной буржуазии против империализма, во-первых. Это — условия действительной свободы организации рабочего класса и крестьянства нашей партией на базе революционной тактики, революционной программы, революционных выступлений — во-вторых.

Есть эти условия — входит в силу то, что здесь говорит Владимир Ильич; нет этих условий, тогда другой разговор, другое сочетание классов, другое сочетание сил, другое соотношение между классами, другая тактическая линия. Вот так нужно ставить вопрос. И если мы примем во внимание, что такая, скажем, огромная, революция, как китайская революция, которая поставила перед нами в упор целый ряд важнейших и принципиальнейших вопросов колониальной политики, продолжается целые годы, то совершенно естественно, что в ходе развития этой революции мы имеем различные перегруппировки сил, различные перегруппировки классов и поэтому различные тактические повороты со стороны коммунистической партии и рабочего класса. Мне кажется, что эти основные предпосылки уже достаточно выяснены, и с полным основанием мы можем сказать, что принципиальная аргументация, которая была выставлена со стороны оппозиции против тактики Коммунистического Интернационала и нашей партии, не выдерживает никакой критики. Это есть возвращение к радеко-пятаковской точке

зрения былых времен, а вовсе не «стопроцентный ленинизм», как это пытаются утверждать наши оппозиционные «друзья». Я считаю уместным поставить теперь эту проблему с другого конца. Представьте себе, что мы опять возвращаемся на несколько лет назад и имеем такое положение вещей, когда в Китае активно выступает с оружием в руках национально-революционная буржуазия против английского, японского и пр. империализма. Представьте себе, что мы переживаем то время, которое было года два назад. Какова в этих условиях наша задача — поддерживать движение, быть нейтральными или активно бороться против этого движения? Ответьте! А вот, если так поставить вопрос, то сразу же становится совершенно ясным, совершенно очевидным, что на этот кардинальнейший вопрос оппозиция не в состоянии была бы произнести ни одной членораздельной фразы, ибо, если идет вооруженная борьба против империализма, даже под руководством национально-революционной буржуазии, то может ли рабочая партия быть нейтральной в этой борьбе? Ясное дело, что не может. Может ли она выступить против этой борьбы? Ясное дело, что это было бы прямой помощью империалистическим врагам. Единственно, что она может и должна сделать, — это вытекает решительно из данной обстановки, — это поддерживать движение до того момента, пока оно не оборачивается против рабочего класса. Обер-

нется оно против рабочего класса или начинает оборачиваться против рабочего класса, тогда исчезает основное условие, которое ставил Владимир Ильич для этой тактики, исчезает свобода организации, свобода революционных выступлений для коммунистической партии рабочего класса. Тогда изменяется коренным образом соотношение сил в стране, тогда борозда между лагерем революции и лагерем контрреволюции проходит по другой социальной территории. И тогда, совершенно естественно, создается положение, которое мы имеем теперь в Китае. Не различать эти различные стадии, не различать эти различные этапы — никоим образом невозможно. Встать на ту точку зрения, что в период действительной борьбы буржуазии против империализма, национальной буржуазии против империализма, мы должны плевать на это движение, это значит стать на точку зрения Радека периода ирландского восстания; это значит совершенно не понимать национального и колониального вопросов, это значит скатываться к социал-демократической постановке этого вопроса, несмотря ни на какие левые фразы, которые при этом можно говорить. Именно потому, что это совершенно очевидно, именно поэтому мы наблюдали тот факт, что наши оппозиционеры, когда они сидели в Политбюро, и когда мы решали все эти вопросы в предыдущую стадию развития китайской революции вместе, они не поднимали го-

лоса против этой тактики, как его не поднимал например т. Зиновьев, который был председателем китайской комиссии, и ни слова никогда, никакого возражения не делал, а голосовал за всю эту поддержку национально-революционной буржуазии. Ведь это есть факт.

Я, товарищи, остановился на этом вопросе потому, что обойти его мне представлялось совершенно невозможным, тем более, что китайская революция не умерла, а живет и развивается, тем более, что нашей обязанностью является всеми мерами поддерживать китайскую революцию, потому что она продолжает оставаться величайшим фактором современной мировой истории. Исходя именно из этих соображений, я так подробно остановился на этой основной проблеме китайской революции. Но теперь у нас другой этап; буржуазия давно уже перешла в лагерь контрреволюции; теперь сочетание классовых сил совершенно иное; теперь речь может итти лишь о борьбе рабочего класса, крестьянства и части мелкой городской буржуазии против совокупных сил иностранного империализма, феодалов и ставшей контрреволюционной силой национальной буржуазии. Буржуазия имела поддержку городской мелкой буржуазии, а на известном этапе поддержку крестьянства и пролетариата. Но это сочетание сил вызвало развитие такого мощного аграрного движения, такого мощного движения рабочего класса, что испуганная

буржуазия открыто перешла в лагерь контрреволюции и неизбежно должна была пойти по пути бо̀льших или меньших компромиссов с империализмом.

Остановимся на теперешнем положении вещей в Китае. Китайская революция не только не умерла, но, мне кажется, можно выставить положение, что мы, по всей вероятности, стоим накануне новой и большой революционной волны в Китае, революционной волны уже на другой основе, с другими классовыми силами, — конкретно говоря, перед новыми выступлениями рабочего класса и крестьянства. Эта вероятность нового под'ема заложена в той обстановке, которая создалась в настоящее время в Китае. Прежде всего несколько слов относительно империализма. Удалось ли империалистам поработить Китай, решить по-своему, по-империалистически китайскую проблему? Удалось ли им победить антиимпериалистическое движение? Сто̀ит только так поставить вопрос, чтобы ясным сделался ответ: им не удалось сломить китайскую революцию. Правда, империалисты заняли важнейшие стратегические и экономические пункты, они добились известных успехов; англичане снова получили свою концессию в Ханькоу, несмотря на то соглашение, которое было заключено английским представителем О'Малли с бывшим представителем уханского правительства Евгением Ченом; Япония под шумок перешла к завоеванию

Манчжурии и Внутренней Монголии и весьма укрепилась здесь. Она в настоящее время выставила по отношению к Манчжурии и Внутренней Монголии такого рода «условия»:

«1. Право постройки шести железнодорожных веток к Южно-манчжурской железной дороге, дающее последней полную монополию.

2. Право разведения японцами домашнего скота и овец в Манчжурии и Внутренней Монголии.

3. Право японских предприятий на эксплоатацию лесов и минеральных богатств Манчжурии и Внутренней Монголии, что обеспечит Японию постоянным снабжением лесом и минералами.

4. Право японцам селиться всюду в Манчжурии и Монголии на тех же основаниях, что и китайцам.

5. Право японцев владеть, покупать и продавать земельные участки всюду в Манчжурии и Внутренней Монголии.

6. Право Японии иметь полицейскую охрану своих подданных во всех местностях Манчжурии и Монголии.

7. Японцам должно быть предоставлено преимущественное право развития каких-либо местных богатств в этих районах.

8. Китайцы должны иметь только японских военных советников в ки-

тайских войсках в Манчжурии и Внутренней Монголии.

9. Японцам должно быть предоставлено право постройки школ и храмов всюду в Манчжурии и Внутренней Монголии.

10. Манчжурия и Внутренняя Монголия должны охраняться от возможности каких бы то ни было политических беспорядков, и никакие войска извне, будь то китайские или иностранные, не должны допускаться на территорию Манчжурии и Внутренней Монголии».

Эти драконовские требования сводят фактически на-нет хотя бы видимость самостоятельности этих обеих стран. Мне кажется, что из всех империалистических группировок наибольшие завоевания в Китае сделала как раз Япония, которая чрезвычайно осторожно держится, дипломатия которой сравнительно мало болтает, которая пускает в ход чрезвычайно мало различных эффектных жестов и пр., но которая реально ухватила себе наиболее крупную добычу в Китае. Но, несмотря на это, все же можно утверждать, что империалистам общекитайской проблемы разрешить не удалось. Они стоят в Китае как враждебная сила, они оторвали куски от Китая, они имеют там свои флоты, они оккупировали часть местностей, но не может быть и речи о том, что они «умиротворили», хотя бы даже империалистскими методами, страну,

не может быть и речи о том, что они **сломали** хребет китайской революции. Разрешила ли эту китайскую проблему прежде национально-революционная, а теперь — **национально-контрреволюционная буржуазия**? Мне кажется, что она не разрешила этой проблемы, но что развитие об'ективных противоречий между буржуазией, с одной стороны, рабочим и крестьянским движением — с другой, не только не позволило слабой туземной буржуазии по-своему решить китайскую проблему, но на деле привело к тому, что китайская буржуазия, попавшая в зависимость от полуфеодального милитаристского аппарата, еще более ослабела, разбилась на группы и не может выступить как об'единенная классовая сила. Мы сейчас присутствуем при таком положении вещей, когда различные военные группировки, имеющие различных политических вождей, раздробились на малосамостоятельные или полусамостоятельные генеральские клики, что дает основание говорить об известном распаде сил национальной буржуазии. Фактическое положение вещей сейчас там таково, что на севере имеются свои группировки, на юге свои, в Среднем Китае — свои.

Вот у меня есть, например, сводка, касающаяся средних провинций:

«Чупейде закрепился в провинции Цзян-Си. Чен Чим претендовал на Хубэй, но потерпел неудачу.

Тан Ин-кай претендует, повидимому, на Хунань.

Хо Цзун-до закрепляется в Хубее.

Ба Цзун-си — в Нанкине.

Чен Дяо-юань — в провинции Аньхуэй.

Чан Кай-ши с Хо Ин-цином — в провинции Чже-Цзян.

Чен Мин-сю — в провинции Фу-Цзян.

Хуань Шао-сюн — в провинции Гуанси».

То же самое происходит и на юге. В Кантоне тоже четыре различных группировки. То же самое происходит и в других местах. Вы видите необыкновенную диференциацию, необыкновенное дробление контрреволюционных сил на группы и клики.

Что же происходит в это время на низах, в массах рабочего класса и крестьянства? Хотя наши китайские товарищи и устраивают демонстрации по случаю казни Сакко и Ванцетти, по случаю белого террора в Америке, но у себя «дома» они «привыкли» к такому неистовому, совершенно исключительно белому террору, какой трудно себе представить. Там уже погибли десятки тысяч наших сторонников. Там происходили и происходят массовые избиения, физическое уничтожение огромного количества наших товарищей — членов нашей партии и непосредственно идущих за нами. Трудно описать какими бы то

ни было словами те зверства и те ужасы белого террора, которые характерны сейчас для методов борьбы китайской контрреволюции.

Но удивительнее всего то, что, несмотря на все это, абсолютной неправдой было бы утверждать, что мы имеем сейчас задушенное движение. Наоборот, за самое последнее время мы имеем некоторые признаки оживления движения. Мы имеем дальнейшее распространение крестьянского движения. Мы недавно получили сведения о восстании в северной части Хубея, причем крестьянские отряды заняли один город и держат его в своих руках. Мы имеем брожение на территории целого ряда провинций, а в области Гуандунь в пяти, если не ошибаюсь, уездах господствуют крестьянские советы, создана советская власть. В первый раз в истории китайского крестьянского движения создалась советская власть на крестьянской базе, власть, которая начала настоящую истребительную войну против помещиков. Там усечены главы примерно около 300 или 400 помещиков. (Аплодисменты. Голос с места: «Мало, больше надо».)

Помещики на этой территории, имеющей несколько миллионов населения, физически истреблены.

И, наконец, мы имеем сейчас чрезвычайно напряженное положение во всей провинции Гуандунь, в особенности вокруг Кантона.

На основании ряда данных можно утверждать, что в Китае назревают очень серьезные события.

Рабочий класс пробовали раздавить и разложить не только путем белого террора, но и путем желтых профессиональных союзов, руководимых назначенными Чан Кай-ши и другими генералами «вождями». Удивительно опять-таки то, что китайский рабочий класс обнаружил и здесь величайший героизм, отдав громадное количество своих лучших сынов и, несмотря на невероятнейший белый террор, продолжает отстаивать свои собственные организации и громить желтых вождей. Причем ожесточение в борьбе там такое, что если наших бойцов убивают пачками, то наши тоже расправляются с желтыми генеральскими «вождями» путем прямого физического истребления (*движение в зале*). Ожесточение в борьбе там совершенно неслыханное. За последнее время высоко поднялась стачечная волна в Шанхае, в Ухане, в Кантоне, причем настроение рабочих очень боевое. Кроме того нужно отметить, что в *Гуандуне* сохранились остатки армии Ие Тина, которые при развязывании событий в Кантоне могут, в случае успеха рабоче-крестьянского выступления, сыграть роль известного ударного военного кулака.

Вот примерная картина положения дел в Китае.

Если суммировать то, что я сказал, то, мне кажется, необходимо притти к следующему основному выводу.

Во-первых, империалисты не решили и не могут решить китайскую проблему. Во-вторых, национальная буржуазия не только не движется по пути к решению этой проблемы своими методами путем придушения рабочего класса, блока и компромисса с империалистами, но она сама все больше дробится, как политическая сила. Она теперь раздробила свои силы между теми генеральскими кликами, которые получили сейчас на поверхности общественных явлений решающее значение, и которые ведут конкурентную борьбу за прямые и непосредственные источники своего собственного существования, потому что им нужно жить, нужно содержать свои армии. А эти армии довольно велики. У нанкинской группировки 270 000 чел., у группы Тан Чен-ши 150 000 чел., десятки тысяч в Гуандуне и пр. Все это требует больших средств, все это может сохраняться только путем величайшего нажима на население. За каждую более богатую провинцию, которая обладает запасами риса и известного количества денег, ведется борьба между кликами. И таким образом совершается загнивание этих больших милитаристских групп вместе с их буржуазными вождями, запутавшимися в своих внутренних противоречиях.

Остаются два крупных класса — рабочий класс и крестьянство, для которых национальная проблема не стоит в противоречии с проблемой классовой борьбы. Остаются две социальных классовых

силы, которые не разгромлены, несмотря на огромнейшие потери, которые они понесли. Эти классовые силы в настоящее время развиваются, растут и организуются. И поэтому мне кажется, что в отношении перспектив китайской революции мы не имеем никакого права быть пессимистически настроенными.

Что касается политического или партийно-политического выражения всех этих процессов, то мне остается здесь сказать просто-напросто несколько слов. Гоминдан со всеми своими группировками уже давно перестал существовать как революционная сила. Этот тезис достаточно обоснован, и об этом тезисе, мне кажется, уже не приходится говорить. Но гоминдан перестает играть роль и как сколько-нибудь значительная сила контрреволюции; не в том смысле, что он «освобождается» от своих контрреволюционных преступлений, а в том смысле, что логика борьбы перенесла центр тяжести на военные группировки, привесками которых служат различные осколки различных направлений гоминдана. Вот как обстоит дело. И поэтому эта, когда-то могущественная, организация сейчас разбита, совершенно сошла на-нет и сходит на-нет даже как контрреволюционная сила.

Само собой разумеется, что основным для нас в настоящий момент является лозунг **советов**, который будет приобретать тем большее значение,

чем более быстро будет в гору итти китайская революция. Важнейшее значение имеет вопрос об укреплении китайской коммунистической партии, которая пережила ряд мучительнейших этапов своего развития, которая в настоящее время в значительной мере, — хотя и не вполне достаточно, — очистилась от мелкобуржуазных интеллигентских попутчиков, которая в настоящее время, несмотря на то, что из наших рядов выбиты и физически истреблены десятки тысяч человек, — с величайшим героизмом сплачивает свою организацию. Партия насчитывает сейчас около 20—25 тысяч человек, а комсомольская организация — около 15 тысяч человек. Мы имеем за последнее время процесс очищения верхушки коммунистической партии, в частности из партии исключен Тан Пин-сян за оппортунистическую политику в аграрном вопросе. И, повторяю, несмотря на огромнейшие трудности, которые стояли и стоят перед китайской коммунистической партией, мы имеем несомненную внутреннюю консолидацию партии. Само собой разумеется, что и дальше будут различные трения, возможны частичные поражения и пр., но сочетание классовых сил сейчас такое, внутренняя консолидация нашей партии такова, что, повторяю еще и еще раз: у нас нет никаких оснований быть настроенными пессимистически в отношении перспектив великой китайской революции.

Опыт китайской революции имеет для нас громадное значение не только с точки зрения дальнейшей успешной революционной борьбы в Китае. Во-первых, китайская революция поставила перед нами колониальную проблему во всей ее конкретности. Мы раньше к этой колониальной проблеме подходили неоднократно. Колониальный вопрос, с точки зрения его принципиальной оценки, для нас всех был ясен, но вся сложность социально-классового переплета, вся сложность задач, которые связаны с руководством такой огромной колониальной революцией, только за самое последнее время встала перед нами во всей конкретности. На опыте китайской революции мы прощупали конкретно целый ряд проблем колониальных революций вообще, и в то же самое время на опыте китайской революции совершенно ясно видно, насколько осторожными нужно быть в определении нашей конкретной политической тактики, насколько нужно внимательно учитывать особенности развития в той или другой стране. И вот я для параллели с китайской революцией скажу несколько слов относительно проблемы революции в Индии, проблемы, которая на ближайшее время станет одной из крупнейших проблем для Коминтерна и для всей нашей партии. Индия — тоже колониальная страна, Индия — тоже угнетенная английским империализмом страна; в Индии также есть национально-освободительное движение. Но было бы чрезвычайно опрометчиво,

если бы мы опыт нашей китайской тактики механически перенесли на индийскую почву и на определение нашей тактики в Индии. Почему? Потому, что там другое соотношение классовых сил; потому что там уже с самого начала мы будем иметь не такое положение вещей, какое мы имели в Китае с самого начала китайской революции. Английское правительство за последнее время чрезвычайно ловко маневрировало по отношению к Индии. Ему, конечно, не удалось перетянуть на свою сторону широкие массы. Но великобританское правительство сделало за последнее время ряд уступок национальной индусской промышленности. Раньше Индия была страной, которая вывозила сырье и ввозила фабрикаты из метрополии, из Англии. Прежняя политика Англии в отношении Индии состояла в том, что Индию держали на положении поставщика сырья, не давая ей возможности развивать свою собственную индустрию. Но, под влиянием развертывания русской революции, под влиянием китайской революции и под влиянием развития общекапиталистического кризиса и, в первую очередь, под влиянием движения в самой Индии, великобританское правительство сманеврировало здесь довольно ловко. Оно допустило введение своих таможенных тарифов в Индии, оно несколько отпустило клапан, оно несколько расширило рамки развития туземной индусской промышленности. Оно дало возможность инду-

стриализоваться самой Индии и развиваться национальной индусской буржуазии, оно начало все более и более заигрывать с верхушкой интеллигенции и индусской буржуазии в области самоуправления, в области автономии Индии и прочее, и этими своими маневрами, подводя под них определенную экономическую базу, оно добилось того, что значительная часть прежде ярко революционно настроенной индусской буржуазии сейчас уже находится в блоке с английским империализмом и сейчас уже нередко ставит своей задачей борьбу против «московских агентов», выставляя положение, что старый хозяин (Англия) лучше «неизвестного нового» (Москвы).

О чем говорит этот факт? Он говорит о другом соотношении классов, чем в Китае, он говорит о том, что значительная часть национальной буржуазии с самого начала уже будет по другую сторону баррикад. Поэтому для Индии в нашей политике невозможен тот вариант тактики, который мы практиковали на первых этапах революции в Китае.

Исключены ли для Индии те или другие совместные выступления пролетариев и крестьян с национальной буржуазией? По-моему, не исключены. Исключены ли для нас, коммунистов, блоки длительного характера, в форме создания таких организаций, как гоминдан, в *индусском* масштабе? Вот такие соглашения, по-моему, для нас *исключены*. Может ли итти речь о временных парал-

лельных действиях или соглашениях от случая к случаю? Может. Может ли итти речь о длительном блоке, о длительной поддержке с нашей стороны индусской буржуазии? Никоим образом не может. Потому что здесь с самого начала у нас будет не только резко критическая, но прямо разоблачительная позиция в отношении индусской буржуазии, ибо эта буржуазия, по крайней мере, значительные круги, не удовлетворяет тем условиям, о которых писал Ленин. Во-первых, она не ведет длительной борьбы с английским империализмом. Во-вторых, — что тоже чрезвычайно важно, — она ведет активную борьбу **против** коммунистов, не давая им свободы действий в необходимых для них размерах. Наоборот, уже теперь она оборачивается к нам как активно враждебная нам сила. Это показывает, что здесь мы должны поставить вопрос по-другому. Сочетание классов здесь другое, проблема стоит здесь по-другому, несмотря на то, что Индия — тоже колониальная страна.

Если бы я взял такую страну, как Египет, если бы я взял такую страну, как Персия, или какую-нибудь еще другую страну, то без труда можно было бы показать, что в каждой из этих стран имеются свои специфические черты в типе общественных отношений, которые обязывают нас самым внимательным образом **конкретно** проанализировать положение в стране, никоим образом не

удовлетворяясь общими положениями о колониальной проблеме. Это недопустимо, это не годится, этого делать нельзя.

Колониальная проблема, товарищи, приобретает для нас все большее и большее значение. Это заострение колониальной проблемы нашло свое выражение не только в том, что эта проблема все больше беспокоит наших империалистических противников, но оно нашло свое выражение также и в том, что силы нарастающих национально-освободительных движений собираются и организуются, — хотя, конечно, этот процесс и не идет гладко. Внешним выражением этого процесса собирания колониальных сил служит организация так называемой антиимпериалистической лиги.

О ее деятельности, о ее работе я не имею времени здесь докладывать. Но все вы знаете, товарищи, из отчетов, какое огромное впечатление даже в Западной Европе произвела брюссельская конференция антиимпериалистической лиги, на которой самое горячее участие принимали коммунистические партии.

Теперь происходит одна из сессий исполнительного комитета антиимпериалистической лиги. Само собой разумеется, что в этой лиге мы будем иметь в ближайшее время ряд значительных затруднений по двум причинам. Во-первых, потому что будет происходить отпочкование известных национально-буржуазных элементов в связи с событиями в Ки-

тае и переходом гоминдана в лагерь контрреволюции. Это вызовет обострение отношений с рядом группировок, принимающих участие в лиге. С другой стороны, мы будем иметь здесь целый ряд трудностей, проистекающих из того, что социал-демократические партии, которые вначале бойкотировали эту лигу и сделали, со своей точки зрения, большую тактическую глупость, теперь поняли эту глупость и стремятся проникнуть в антиимпериалистическую лигу с целью добиться в ней определяющего влияния.

Эта ожесточенная борьба с социал-демократами будет вестись не только во всей Западной Европе, но эта борьба впервые будет поставлена и будет решаться точно так же и в восточных странах, потому что ориентация социал-демократии есть ориентация на Чан Кай-ши и пр., ориентация на желтые союзы, ориентация на всех наших врагов, которые существуют в настоящее время в колониальных странах. Они влезают полуфашистскими методами в среду рабочего класса, в антиимпериалистическую лигу, и в связи с этим перед нами встает целый ряд крупнейших проблем и организационного и тактического характера.

Вот почему ИККИ решил, — это решение пока предварительное, но оно, вероятно, будет одобрено пленумом ИККИ, — поставить в порядок дня очередного международного конгресса Коминтерна колониальный вопрос во всем его об'еме. Острота

колониального вопроса всем ясна; опыт у нас накопился большой; опыт китайской революции поистине неисчерпаем, — можно и нужно подвести в этой области итоги и наметить конкретную линию политики для целого ряда стран. Поэтому на конгрессе Коминтерна в мае текущего года этот вопрос будет играть огромную, исключительно крупную роль.

IX.
КОМИНТЕРН И ЕГО СЕКЦИИ.

Дальнейшим вопросом, подлежащим рассмотрению, является вопрос о состоянии коммунистических партий, секций Коминтерна. Этот вопрос поставить тем более надо, что мы можем сейчас уже не только подытожить наше развитие за целый ряд лет, но и констатировать начало некоторого нашего роста за самое последнее время. Нужно сказать, что в течение последних лет, примерно, вплоть до середины 1926 года, количество членов заграничных коммунистических партий почти что непрерывно падало. Если годы под'ема революционной волны на Западе сопровождались огромным приливом в ряды Коминтерна, и мы должны были ставить особые барьеры в виде 21 условия, чтобы избежать заполнения наших рядов весьма сомнительными в коммунистическом отношении элементами, то после ряда поражений пролетариата в Италии, в Германии и других странах, а потом вместе с началом стабилизации мы имели отлив революционной волны и сильное падение

числа членов коммунистических партий. Правда, это падение в некоторых случаях компенсировалось увеличением влияния той или другой коммунистической партии на рабочие массы, но в отношении числа членов партии мы имели непрерывное падение. С 1926 года, — и это имеет своей базой тот процесс полевения внутри рабочего класса, о котором я говорил выше, — мы имеем в ряде стран определенный рост компартий. Так в Германии в 1925 г. партия насчитывала около 100 тысяч, сейчас — 128 тысяч; во Франции число членов партии выросло с 50 тыс. в 1926 году до 60 тысяч; в Чехо-Словакии с 98 тысяч в 1926 г. до 138 тыс. Одновременно с этим мы имеем разгром наших партий на Балканах белым террором. В Болгарии, Румынии, Югославии число членов наших партий сильно уменьшилось. В Италии, однако, несмотря на террор Муссолини, мы имеем рост подпольной коммунистической партии. Но само собой разумеется, что эта партия, живущая в исключительно нелегальных условиях и подвергающаяся бешеным нападениям со стороны совокупного правительственного аппарата, не может быстро расти в ширину. Однако, итальянская компартия является единственной оппозиционной партией в самой стране. Реформисты, католики и т. д. прекратили свое существование, их руководители эмигрировали, либо политически бездействуют, либо перешли к фашистам.

Польская компартия точно так же работает в условиях бешеного террора, но она является крепкой партией, которая отвоевывает все большее количество рабочих у своего пепеэсовского конкурента. В Англии, несмотря на героическую ракому компартии во время всеобщей стачки и стачки горняков, мы имеем падение числа членов партии. Это об'ясняется в первую очередь тем, что коммунисты-рабочие, члены фабрично-заводских ячеек и пр. подвергаются не только политическому, но и экономическому давлению, они выбрасываются с предприятий, заносятся в черные списки, против них направляются удары экономического порядка. Этих рабочих лишают средств к жизни, и этим об'ясняется в первую очередь падение числа членов нашей братской английской партии. В большинстве северных стран, за исключением Швеции, где партия растет, коммунистические партии малочисленны. В важнейших европейских партиях мы имеем, однако, таким образом рост числа членов. В двух других крупнейших нелегальных партиях, в Италии и Польше, мы имеем точно так же улучшающееся положение дел. В Англии мы имеем падение. Следует, однако, иметь в виду, что и после этого падения число членов английской компартии больше, чем было до начала всеобщей и угольной стачек.

В то же время необходимо отметить, что движение числа членов партий происходит отнюдь не

параллельно росту политического влияния, т. е. политическое влияние наших партий растет гораздо быстрее, чем число членов, и даже в некоторых странах, где партии численно не растут, политическое влияние их увеличивается. Это находит свое об'яснение в том, что целый ряд и крупных и более мелких коммунистических партий еще недостаточно научились организационно закреплять достигнутые политические успехи. Такое явление мы наблюдаем, повторяю, в целом ряде наших партий, не исключая даже германской коммунистической партии. Это, между прочим, стоит в связи со все еще недостаточной работой коммунистических фракций в профсоюзах, этой цитатели социал-демократии и Амстердамского Интернационала, и в важнейших и наиболее массовых организациях рабочего класса, в то время как эта работа является всенепременнейшей обязанностью компартий. Но при всем том рост политического влияния компартий безусловен, и этот рост значительно превышает рост количества членов партий.

Этому обстоятельству партии обязаны тем, что они за последнее время выступали с целым рядом политических кампаний, на которых, как и на стачечной борьбе, им удалось об'единить широкие слои рабочего класса. В Англии компартия выступала как партия, поддерживающая стачечное движение, как единственная последовательная

проповедница лозунга защиты китайской революции, как единственная партия, смело борющаяся с войной, как наиболее верный, единственный друг и союзник СССР, как партия, которая единственно последовательно защищала рабочий класс против профсоюзного билля, как партия, которая до конца последовательно поддерживала горняков. Последний поход горняков на Лондон, прошедший под руководством компартии, был предпринят против воли и при сопротивлении верхушечных организаций рабочей партии, тред-юнионов и т. д., и является одним из весьма знаменательных событий английской общественной жизни.

Французская компартия точно так же проводила целый ряд крупнейших политических кампаний. Она стояла во главе ряда стачек, связанных с той стачечной волной, о которой я уже докладывал; она проводила в некоторых пунктах чрезвычайно хорошо антимилитаристскую кампанию, она проводила кампанию за СССР, проводила кампанию против фашизма. Вы все помните из газет о демонстрации в Клиши в связи с парадом американских легионеров во Франции. Она провела блестящую демонстрацию в связи с казнью Сакко и Ванцетти, демонстрацию, сопровождавшуюся уличными столкновениями.

Германской партии точно так же удалось мобилизовать довольно широкие рабочие массы путем проведения широких политических кампаний. Всем

вам, вероятно, памятна кампания в связи с вопросом о компенсации владетельных князей и референдумом по этому поводу. Германская коммунистическая партия не только мобилизовала широкие круги рабочих, но поставила социал-демократию в оборонительное положение, а потом заставила ее плестись за собой. Эта кампания, безусловно, должна быть засчитана в большой актив коммунистической партии Германии. В связи с этим происходила широкая кампания по созыву конгресса трудящихся, о котором вы все знаете. Была проведена кампания поддержки китайской революции, была проведена борьба за повышение заработной платы. Всем памятна борьба германской коммунистической партии, которая сплотила значительные слои рабочих в борьбе против фашизма. Вы помните, какой отпор дал рабочий класс Германии фашистскому параду в Берлине, и гегемония коммунистической партии была здесь бесспорна. Вы помните день красных фронтовиков и ту клятву, которую красные фронтовики дали в защиту СССР. Этот день красных фронтовиков был значительным, исторической важности событием в Германии. Вы знаете, конечно, что красные фронтовики находятся под исключительным руководством нашей коммунистической партии.

Стачка горняков в Средней Германии находилась под сильным влиянием нашей партии. Вы видели из предыдущего, что итог выборов говорит о воз-

растании политического влияния нашей германской секции. Большая работа была проделана в связи с десятилетием СССР: посылка делегаций, массовые демонстрации и т. д.

В Италии создалось крайне оригинальное положение, и, как я уже бегло заметил, несмотря на то, что наша итальянская партия является нелегальной партией, она — единственно существующая оппозиционно-революционная партия в стране. Социал-демократия разгромлена. Итальянскую компартию пытались громить, но она сумела создать свой нелегальный аппарат, который успешно выдерживает борьбу с мощным аппаратом муссолиниевского государственного режима. Более того, вы знаете, что реформистская конфедерация труда, подвергшись атаке со стороны фашистов и со стороны их профсоюзов, совершенно развалилась. Одни вожди этой конфедерации бежали за границу, другие перешли сами к фашистам, никто из них не имел ни мужества, ни смелости встать на защиту хотя бы самых элементарных прав профсоюзов. Компартия — единственная, которая на деле борется за воссоздание свободных профессиональных организаций. В этой области она достигла успехов весьма и весьма значительных. Итальянская компартия в обстановке террора стояла во главе ряда стачек, которые были характерны для последнего времени. Она провела большую кампанию в деревне и

завоевала политическое влияние в целом ряде крестьянских округов.

Нелегальная польская коммунистическая партия точно так же в целом ряде политических кампаний укрепила свое общеполитическое влияние. Вопреки разгулу белого террора; вопреки совершенно исключительной и бешеной борьбе со стороны ППС, которая в значительной своей части, несмотря на оппозиционность части ППСовцев против Пилсудского, является составной частью общего фашистского аппарата; вопреки ряду случаев вооруженной борьбы ППСовских дружинников против членов коммунистической партии, в тяжелейшей обстановке, — компартия не раз вызывала на улицу рабочих крупнейших польских городов, и в первую очередь рабочих Варшавы. Нужно сказать, что в наиболее критические моменты, касающиеся и положения Советского Союза, польская партия, которая занимает в этом отношении наиболее опасное и важное место, оправдала название коммунистической партии и развернула широкую массово-демонстративную работу. Так было, между прочим, во время убийства т. Войкова; всем памятна демонстрация польских рабочих в те дни. Типичным является случай, имевший место уже в последнее время, когда пристрелили одного рабочего, нашего сторонника, писавшего лозунги в честь Советского Союза. Выборы в страховые кассы, выборы в муниципальные самоуправления

указывают на рост политического влияния польской секции. Польской партии удалось охватить своим влиянием часть крестьянского движения, в первую очередь крестьянского движения национальных меньшинств.

Если мы от этих важнейших коммунистических партий Европы перейдем к Соединенным Штатам, то нужно отметить, что, несмотря на исключительно неблагоприятные условия борьбы, компартии удалось руководить довольно значительным движением, которое возникло в связи с казнью Сакко и Ванцетти. В одном только Нью-Йорке бастовало около 200—300 тысяч рабочих. Дело дошло до уличных столкновений. Компартия стояла во главе этого движения, борясь на разных фронтах, в том числе и против фронта либерально-анархистского. Она здесь точно так же достигла известного роста своего политического влияния, которое, однако, отнюдь не следует переоценивать.

В общем и целом рост политического влияния компартий безусловен. Рост численности важнейших коммун, секций за самое последнее время безусловен. Рост политического влияния важнейших нелегальных компартий точно так же не подлежит сомнению. За последнее время мы с полной уверенностью можем говорить также о ряде достижений в смысле в н у т р е н н е й консолидации компартий, в смысле повышения активности их членов, в смысле приобретения ими большего опыта нелегальной

борьбы, в смысле некоторого усиления работы в профсоюзах, что является важнейшей задачей и важнейшим показателем роста или падения опытности, и, наконец, мы имеем достижения в смысле повышения влияния коммунистических партий среди широких слоев рабочего класса. Базой для этого является тот процесс полевения рабочих масс, который имеется в Европе в связи с развитием внутренних противоречий капиталистической стабилизации. Таковы главные достижения Коммунистического Интернационала.

Но я, товарищи, должен здесь со всей откровенностью поставить и ряд вопросов, которые говорят о наших недостатках, о тех пробелах, которые Коммунистический Интернационал и наша партия должны совершенно ясно и совершенно отчетливо себе представлять, чтобы их выправлять. Только это может гарантировать нам дальнейшие успехи и их закрепление.

Я, прежде всего, должен сказать несколько слов относительно о б щ и х недостатков секций Коммунистического Интернационала. К таким общим наиболее важным недостаткам я отношу следующие: во-первых, все еще н е д о с т а т о ч н а я м е ж д у н а р о д н о с т ь коммунистических партий. Например, опыт английской стачки нам показал, что не сразу и не в достаточной степени целый ряд крупнейших секций Коммунистического Интернационала отозвался на призыв к поддержке все-

общей стачки, а потом горняцкой стачки в Англии, что мы констатировали в соответствующих резолюциях Коммунистического Интернационала.

Второе — мы имеем еще недостаточное умение коммунистических партий организационно закреплять свои политические успехи. Это мы наблюдаем почти во всех партиях без исключения. Проводится блестяще какая-нибудь политическая кампания, вроде, скажем, антивоенной кампании во Франции или вроде кампании против компенсации владетельным князьям в Германии. Проходит некоторое время. Политические успехи организационно не закрепляются, и поэтому итоги в смысле роста наших рядов сравнительно малы. Это обстоятельство стоит в ближайшей связи с третьим недостатком, о котором необходимо упомянуть, а именно: слабостью руководства коммунистическими фракциями в профсоюзах, а также и в других массово-беспартийных и полупартийных организациях. Давно уже проблема работы в профсоюзах выставлялась нами в качестве решающей, важнейшей проблемы. Тем не менее, несмотря на известные успехи, которые мы имеем, нужно со всей откровенностью сказать, что здесь у нас еще дело решено далеко не на 100 проц., что эта задача остается важнейшей задачей коммунистического движения, что перед коммунистическими партиями

эта проблема должна стоять со всей остротой и сейчас, и что только путем возрастания нашей организационной умелости мы сможем овладеть аппаратом профсоюзов, контролируемым социал-демократическими партиями и II Интернационалом. Тогда мы будем иметь поворот на всем фронте борьбы, и рост компартий будет безусловно обеспечен.

Наконец, я должен отметить еще один, общий почти всем без исключения коммунистическим партиям, недостаток, именно — слабость их теоретического уровня. Должен прямо сказать, что если в начале возникновения Коммунистического Интернационала у нас было такое положение вещей, когда Коммунистический Интернационал бросал в широкие слои рабочего класса и в свои собственные, тогда еще только что складывающиеся, партии значительное количество свежего идеологического материала, то теперь у нас в этом отношении дело обстоит значительно слабее. Отчасти это стоит в связи с тем обстоятельством, что ряд кризисов, которые мы имели в коммунистических партиях, начиная с отлива революционной волны, в первую очередь отразился на их интеллигентской верхушке. У нас вообще в компартиях было, как всем известно, два с половиной интеллигента. Наши партии сейчас не только по социальному положению массы членов партии, но и по социальному составу своих руководящих кадров

являются партиями, состоящими из рабочих и почти исключительно из рабочих.

В то же время наша партия ВКП (б) и ее руководство в высшей степени отвлечены от теоретической работы и перегружены до последней степени. Это не значит, что теоретический уровень стал ниже, чем раньше. Он стал выше, но обстановка сильно усложнилась, и требования, пред'являемые к руководству, сейчас чрезвычайно возросли.

С этим связан и другой недостаток, который необходимо отметить, — слабость партийной прессы, слабость даже центральных органов коммунистических партий. Даже в наиболее распространенной газете, тираж которой исчисляют в несколько сот тысяч, скажем, в «Юманите», сплошь и рядом допускались грубые ошибки.

Разрешите мне теперь бегло осветить недостатки отдельных, далеко не всех, секций для того, чтобы вам, хотя бы в общих чертах, было ясно положение этих секций. Повторяю, я беру только главнейшие недостатки, при анализе которых ни на минуту не нужно забывать и о крупнейших успехах, достигнутых соответствующими компартиями за последнее время. Остановлюсь раньше всего на чехо-словацкой партии, одной из крупнейших секций Коминтерна.

Какие недостатки мы можем отметить в работе этой партии? Мы должны сказать об известной

пассивности ее во время английской забастовки, во время восстания венского пролетариата и во время кампании в связи с казнью Сакко и Ванцетти. Мы можем отметить ряд отдельных промахов и ошибок правого характера: напр., в законопроекте о фабрично-заводских комитетах, который коммунистическая партия Чехо-Словакии выработала, целый ряд пунктов напоминает социал-демократическую «хозяйственную демократию». Мы имели целый ряд ошибок оппортунистического характера в центральном органе коммунистической партии Чехо-Словакии «Руде право». Наша чехословацкая партия чуть было не сделала ошибку, во-время предупрежденную Коминтерном, думая противопоставить при президентских выборах Крамаржу Массарика, сыграть на противоречиях между ними, чуть ли не голосуя за Массарика.

В Чехо-Словакии за последнее время образовалось немногочисленное правое крыло во главе с Гулой и исключенным из партии Скала, которые точно так же, как и группка, состоящая из Михалепа и отчасти Нейрата, сочувствуют нашей троцкистской оппозиции.

Кстати, говоря о Чехо-Словакии, я должен перед с'ездом продемонстрировать еще одно интересное с точки зрения наших споров с оппозицией явление. В Чехо-Словакии есть один троцкист, некий доктор Полляк, который выпустил недавно брошюру

о международном положении. Эта брошюра была цитирована в центральном органе чехо-словацкой партии «Руде право», в номере от 25 ноября. Доктор Полляк ставит, между прочим, одну из проблем наших споров, а именно проблему внешней политики Советского Союза. Он дает поистине блестящую иллюстрацию к словам т. Раковского о войне, от которых т. Раковский столь неудачно открещивался впоследствии. Этот доктор Полляк, который, между прочим, является издателем всех документов оппозиции за последнее время, прямо требует от нас войны для поддержки английских стачечников. Вот точная цитата из этой его брошюры:

«Допустим, что Советская Россия вследствие действительной поддержки бастующих и локаутированных английских рабочих вступила бы в военный конфликт с Англией и ее приспешниками... Спросим себя, какие были бы результаты такой войны? В лучшем случае весьма существенное расширение Советского союза. В худшем случае... технически-военное (!) поражение в пролетарски революционной наступательной войне, которое, однако, в исторически-диалектическом смысле означало бы грандиозную победу пролетариата, т. е. грандиозный шаг вперед мировой революции».

Я привел эту цитату, чтобы подчеркнуть очевидную неслучайность известной фразы о войне у т. Раковского. Перлы международной оппозиционной стратегии видны, как на ладони: оппозиция, полагая, что мы здесь гибнем в болоте «термидорианского перерождения», желает вовлечь нас в какой-нибудь военный конфликт для того, чтобы использовать его в своих целях и, таким образом, вытащить страну из воображаемого «термидорианского болота», разогнать «политические сумерки» и т. д. и т. п.

Что касается существа того умопомрачительного вздора, который здесь написан, то, я думаю, он достаточно говорит — даже кричит — сам за себя. Требовать от нас наступательной войны в теперешнее время, спекулировать на наше поражение, назвать это поражение «технически-военным» (будто «технически-военное» поражение не имеет политических сторон!), да при этом еще прибавить, что поражение СССР означает «грандиозную победу» пролетариата, — все это предполагает у автора поистине сверх-ослиные уши. (Аплодисменты. Смех.)

Перехожу к ошибкам и недостаткам французской партии. Здесь в первую очередь, мне кажется, нужно отметить, что в известных кругах французской партии есть некоторые остатки чисто «парламентской» ориентации. В связи с этим французская компартия, которая, с одной стороны,

проводила и проводит блестящую антимилитаристскую работу, делает в то же время ряд несомненно оппортунистических ошибок.

Партия своевременно не реагировала политически на важнейший момент политической жизни страны при переходе власти от левого блока к Пуанкаре, запоздав и со своими лозунгами, и с делом мобилизации масс. Мы можем отметить, далее, некоторые ошибки при проведении тактики единого фронта. Партруководство сделало за последнее время очень странную ошибку в связи с репрессиями. Когда правительство пустило в оборот против коммунистической партии ряд репрессивных мероприятий, наши партийные товарищи, в том числе члены политбюро, проявили известную «лойяльность» по отношению к законам буржуазного государства и чуть ли не добровольно посадили себя в тюрьму. Правда, они потом исправили и осудили эту ошибку, но уже самая эта ориентация до известной степени показательна. В общем и целом мы можем сказать, что здесь есть налицо недостаточное руководство боевыми настроениями рабочего класса. Очень часто бывает, что партия эти настроения во-время не улавливает. Можно отметить слабость «Юманите» (хотя эта газета имеет более чем двухсоттысячный тираж), слабость работы в профсоюзах. В партии имеются правые уклоны, носители которых тяготеют к Суварину, Росмеру и Монату, и ултра-левые (Сюзанна

Жиро, Трэн и др.), которые точно так же тяготеют к блоку с элементами, стоящими вне партии. Для того, чтобы показать вам физиономию этих элементов, вроде Суварина, стоящих вне партии, я приведу только пару цитат из «писаний» Суварина, относящихся к нашим спорам. Говоря об обмане оппозицией партии заявлением от 16 октября, *Суварин* пишет:

> «С каких это пор обязаны выполнять обязательства, сделанные под угрозой? Все гражданские и уголовные своды законов всего мира предусматривают случаи вымогательства подписей и наказание не тех, кто подписывается под угрозой, а шантажистов».

Значит, по Суварину, партия является шантажистом, и она должна быть, согласно «уголовным кодексам», обвинена; оппозиционеры же действовали вполне правильно, обманывая партию, потому что они якобы действовали под угрозой револьвера и шантажа со стороны партии. Не менее любопытной является оценка всей нашей партии вообще: «Партия, — пишет Суварин, — не партия, а *стадо*». «Вырождение, сигнализированное нами в 1924 г., идет своим путем» и т. д. Вот, товарищи, оценка со стороны этого ультра-правого ренегата, солидаризирующегося с нашей якобы «левой» оппозицией!

Несколько слов об *английской* секции. Английской секцией точно так же, как и француз-

ской, довольно хорошо ведется антимилитаристская работа. Работа среди солдат, матросов, среди войск, отправлявшихся в Китай, и пр. была выполнена коммунистической партией в меру сил и возможностей очень хорошо. Это есть работа открыто революционного и чрезвычайно опасного характера. Но в то же самое время, на ряду с такой хорошей антимилитаристской работой, руководство партии и отдельные члены партии делали явно оппортунистические ошибки. Когда ВЦСПС в своем воззвании резко бичевал Генеральный совет английских профсоюзов, многие из английских товарищей считали, что мы слишком резко критикуем Генсовет, и были недовольны воззванием ВЦСПС. Когда Коминтерн сейчас обсуждает избирательную тактику английской коммунистической партии, в партии есть известные опасения: правильна ли эта тактика, не слишком ли мы «загибаем» влево, и т. д. и т. п. Мы здесь также присутствуем при таком парадоксальном явлении, когда партия, работающая на самых крайних фронтах и хорошо выполняющая эту работу, в то же самое время делает значительные ошибки правого характера. Не совсем удовлетворительной была и работа представителей партии на с'езде английских профсоюзов (недостаточно отчетливая линия, слабая критика верхушки трэд-юнионов и рабочей партии, чрезмерная «лойяльность» по отношению к «верхам» трэд-юнионов и рабочей партии вообще

(и т. д. и т. п.). Такого рода колебания, которые за последнее время были связаны и с огромным нажимом всех врагов партии и с известной психологической депрессией среди рабочего класса вообще, проявились и на недавнем с'езде партии. Задачей Коминтерна является выправить все эти ошибки и обеспечить большую устойчивость политической линии партии.

Что касается германской коммунистической партии, то основной ее слабостью является еще недостаточное проникновение в массы несмотря на то, что здесь имеется уже ряд крупнейших достижений. Внутренняя жизнь германской коммунистической партии идет безусловно под знаком консолидации. Так называемая правая группа сейчас пользуется меньшим влиянием, чем она пользовалась раньше. Характерно то, что на недавно происходившей конференции коммунистов, работников профсоюзов, только один единственный голос раздался в пользу того, чтобы менее резко вести политику по отношению к социал-демократии и в особенности в профсоюзах. Этот голос прозвучал совершенно одиноко и вызвал резкую отповедь всех остальных товарищей, которые на этой конференции присутствовали. Некоторые свидетельствующие о правом уклоне предложения (лозунг «контроль над производством» и пр.) точно так же не вызывают никакого сочувствия в рядах германской коммуни-

стической партии, а, наоборот, встречают энергичный отпор.

Что касается так называемой «ультра-левой» оппозиции, то та часть ее, которая находится вне рядов нашей германской партии, представляет собою зародыш новой партии, являющейся филиальным отделением троцкистской оппозиции в СССР. На этом вопросе я не буду долго останавливаться, потому что соответствующие цитаты из Корша, Каца, Маслова, Рут Фишер и пр. лились на всех нас как из рога изобилия во время последней дискуссии. Но я все же приведу вам одну цитату из последнего номера масловского органа, являющегося одновременно центральным органом «нашей» троцкистской оппозиции. Эту цитату я приведу не в связи с пресловутым «перерождением», «бонапартизмом» и пр., потому что вы все достаточно хорошо знаете, что такого рода контрреволюционные мерзости можно найти в любом номере этого троцкистского органа. На одном из очередных пленумов Центрального Комитета я уже говорил, что орган Маслова — Троцкого не погнушался даже перед выдачей нелегального работника Коминтерна. Хотя Зиновьев и оправдывал это тем, что, мол, ни один волос не упал с головы этого товарища, но это уж не вина Зиновьева, — он мог бы упасть. В последнем номере этого органа оппозиции есть оценка внешней политики Советского Союза. Под руководством Владимира Ильича мы в свое время

делали предложения о всеобщем разоружении и пр. Все знают, что наша политика в этом вопросе не выдумывает никакого «нового пороха», а является прямым продолжением той политики, которую вела наша партия под руководством Ленина. Знаете, однако, что пишут про женевское выступление Литвинова г-да Масловы, Троцкие и К°? Вот послушайте:

> «Эта комедия не имеет ничего общего с марксизмом. Глупейшая болтовня, что таким путем можно «разоблачить» империалистов, является в период лихорадочного вооружения не только глупой, но просто-напросто предательской». («Fahne des Kommunismus», 1927, № 38.)

Так пишет центральный орган троцкистов о женевском выступлении Литвинова. Вы спрашиваете, что это: глупость? Нет. Это гораздо больше, чем глупость. Это — другая сторона той же самой тактики, которую в вопросе о войне проповедывали доктор Раковский в Москве и скорбный главок доктор Полляк — в «золотой» Праге. Это стоит в связи с «умной» стратегией этих «горе-полководцев», которые себя уже загнали в тупик, но которые готовы прошибить своими лбами каменные стены нашей партии, лишь бы получить возможность гнать в тупик всю нашу пролетарскую страну, обеспечив ей «военно-техническое» поражение, долженствующее, в переводе на оппозиционный

язык, означать «грандиозную победу». (Смех.) Это и есть оппозиционная платформа, которой хотят прельстить рабочий класс!

Не буду останавливаться на китайской коммунистической партии, ибо отчасти я этот вопрос уже затрагивал, да он достаточно известен товарищам по литературе: он ведь играл немалую роль во весь преддискуссионный и дискуссионный период.

Должен сказать два слова насчет японской коммунистической партии и польской коммунистической партии.

В Японии партия чрезвычайно маленькая, хотя об'ективная обстановка в Японии дает базис для работы и для формирования настоящей массовой коммунистической партии, несмотря на жесточайшие полицейские преследования, которые правительство обрушивает на голову коммунистов. На этой партии, работающей в исключительных условиях, можно видеть, как мучительно бьется мысль коммунистов, только что появляющихся на «божий свет», над проблемами современного движения; здесь можно также видеть, каким образом ряд идеологических продуктов, вывезенных с Запада, превращается подчас в совершенно своеобразную теорию и притом теорию, мешающую движению. Такова, например, теория тов. К., стоявшего одно время во главе партии. Схематически эту теорию можно изобразить так: по Гегелю, нужно-де

стоять на точке зрения саморазвивающегося суб'екта; это есть пролетариат; но он должен развиваться в противоречиях. Это значит, что он должен раскалываться и об'единяться. Поэтому наша задача должна заключаться в том, чтобы постоянно раскалывать, а потом об'единять. (Смех.) С другой стороны, Ленин-де в своей книге «Что делать?» писал, что рабочий класс сам не может выработать социалистической идеологии, что ему приносит это на первых стадиях развития интеллигенция и что нужна организация профессиональных революционеров, т. е. революционных интеллигентов. Поэтому нужно создавать в Японии интеллигентско-«марксистские» группы и не лезть теперь (когда в Японии есть уже массовое движение!!!) в массы. Так тов. К. (отказавшийся теперь и от пропаганды этих взглядов и от самих «взглядов») построил из «Гегеля» и «Ленина» сектантское учение, долгое время мешавшее развитию всей партии.

С другой стороны, рабочий кадр коммунистической партии Японии инстинктивно чувствовал, что эта теоретическая абракадабра совершенно не отвечает настоящим потребностям массового движения. И поэтому рабочая часть партии инстинктивно протестовала, но, придавленная грузом «саморазвивающихся суб'ектов» и т. п. вещей, не могла формулировать своей «теории», а некоторые группы впадали в противоположную крайность и из лозунга «Ближе к массам!» выводили чуть ли

не ликвидацию коммунистической партии как самостоятельной партии японского пролетариата.

Коминтерн помог японским товарищам преодолеть идеологические и политические вывихи и определить правильную линию. Если удастся проводить ее в жизнь, то можно будет ожидать значительных успехов движения. Ибо в Японии есть и предпосылки для аграрной революции и предпосылки для революции пролетариата. Массы уже мобилизуются; массовые рабочие и крестьянские организации растут. Тем самым дана почва и для превращения японской компартии в массовую революционную партию пролетариата.

Мы потратили в Коммунистическом Интернационале чрезвычайно много усилий на преодоление внутренних трений в польской компартии. Вы помните, товарищи, что польская коммунистическая партия в целом, все ее группы, все фракции во время переворота Пилсудского совершили большую, опаснейшую оппортунистическую ошибку и очутились в хвосте переворота Пилсудского; не потому, что они суб'ективно этого хотели, а потому, что они не могли во-время, когда нужно было, повернуть непосредственно против Пилсудского.

Я не буду вам рассказывать о всех теоретических концепциях, которые в связи с дискуссией по этому вопросу возникали. В общем и целом эта ошибка сейчас исправлена и в сознании широкой массы членов партии и в сознании партийного руковод-

ства. Исполкому Коммунистического Интернационала пришлось потратить много усилий на создание известного умиротворения внутри польской коммунистической партии и на то, чтобы сосредоточить внимание партии на разрешении основных задач, которые достойны партии, стоящей на одном из самых ответственнейших постов, какой только можно себе представить. Последний партийный с'езд выравнял политическую линию партии и поставил в надлежащие границы, несмотря на сопротивление «правой» и «левой» фракций польской партии, те разногласия, которые внутри польской партии были, а отчасти есть и до сих пор.

Можно, однако, надеяться, что внутренняя борьба в польской компартии будет мало-по-малу изживаться, в особенности в связи с теми огромнейшими событиями, которые нам предстоят, и с теми поистине колоссальными задачами, которые перед польской коммунистической партией вырисовываются.

Подводя общие итоги работе, мы можем констатировать несомненный рост политического влияния Коминтерна и отдельных его секций, рост важнейших европейских секций Коминтерна и их идейную консолидацию. Если мы спросим себя, каковы перспективы развития коммунистических партий, то мы с полной уверенностью можем сказать, что об'ективная база для дальнейшего роста

коммунистических партий налицо. В Европе эта база состоит в полевении рабочего класса и несомненном обострении классовой борьбы. И на **Востоке** точно так же есть база для нашего дальнейшего развития. Это — в первую очередь под'ем и углубление великой китайской революции, развитие и обострение классовых противоречий и борьба против английского империализма в Индии, под'ем революционного движения в других колониальных и полуколониальных странах. Мы можем считать, что база для развития коммунистических партий, для дальнейшего возрастания нашего политического влияния становится еще шире и потому, что во всей своей отчетливости выдвигается сейчас вопрос о защите Советского Союза. Поэтому известный тезис троцкистской оппозиции о «свертывании» рабочего движения так же мало соответствует действительности, как ее «сумеречный» тезис, касающийся СССР. Побитые и размолотые нашей партией, отвергнутые широкими массами рабочих СССР, оппозиционные лидеры из всех сил лезут сейчас на Запад, собирая вокруг себя решительно все элементы, стоящие против правильной ленинской позиции; они ведут сейчас кампанию против СССР, против ВКП и против руководства Коминтерном, кампанию, более бешеную, чем та, которую ведут социал-демократы. Нет таких подлостей, которых не писали бы против нашей партии и Коминтерна эти эмиссары воин-

ствующего троцкизма, блокирующиеся с любым «странником» и любым авантюристом, проходящим по антибольшевистскому пути. Троцкистская «партия» несомненно сколачивает свой, неизвестно какой по счету, «интернационал», для которого Зиновьев уже написал свои 21 условия, «переработав» на троцкистский лад условия, выработанные Лениным. Троцкистская «партия» подбирает такие элементы, которые имеют большее отношение к буддизму или к святейшему римскому папе, чем к учению Ленина. На-днях вышла из голландской компартии, из-за нашей борьбы с оппозицией, Генриэтта Роланд-Гольст; некоторое время тому назад она писала «русским товарищам по борьбе», умоляя дать «свободу» нашей оппозиции защищать все свои взгляды, потому что, дескать, самое важное в мире — это «борьба за истину». А дальше идет замечательная аргументация:

> «...ибо истина коммунизма—это его справедливость и гуманность и никакой Маркс, никакой Ленин, никакой Христос, никакой бог не могут подсказать нам их. Они кроются в равновесии человеческих страстей и человеческих идеалов». (Смех.)

И это пишет один из честнейших сторонников троцкизма! Поставить на одну доску Маркса, Христа, бога, Ленина; искать «истину коммунизма» не в марксистском анализе общественного разви-

тия, а в «равновесии человеческих страстей» и таким образом защищать троцкизм — ведь это прелестно! Ведь это так и просится в платформу «большевиков-ленинцев»! Не из «равновесия» ли человеческих страстей выковыривает доктор Полляк свою тактику наступательной войны?..

Та же Роланд-Гольст вместе со своим соратником Маннури писала:

> «Мы приветствуем вас от имени усопших, мы любим вас во имя живущих и мы зовем вас во имя еще неродившихся». (Смех.)

Эта самая слащаво-сантиментальная фразеология, которая органически чужда и противна всему духу марксизма, удивительно напоминает старонемецкий «истинный социализм», который Маркс и Энгельс называли идеологией старых баб. Однако, эта елейная галиматья не так уж невинна. Тот же Маннури пишет нам заявление от 18 июля 1927 года, с разрешения ЦК голландской партии сообщенное партийной конференции. В этом заявлении он говорит:

> «1) Расстрелы, совершенные в Москве вследствие убийства оплакиваемого нами т. Войкова, по-моему, являются переходом тех границ, которые отделяют право на существование человеческого общества от права на существование отдельной личности. 2) Я целиком при-

знаю справедливость и необходимость террора для защиты того вала, который воздвигнут русскими товарищами, для защиты коммунизма. Но я добавляю, что тот, кто поддается искушению делать ответственными за совершенное преступление и неучастников его, тем самым поддается чувству мести, абсолютно чуждому коммунизму, и этим наносит вред основным положениям, которые он якобы защищает. 3) Исходя из этого убеждения, я считаю нужным обратиться к нашим товарищам из ГПУ со следующими предостерегающими словами: «Истина коммунизма, это — его справедливость, его гуманность». 4) Я вполне сознаю последствия этого поступка, но считаю, что и в пылу борьбы мы не должны забывать идеалов, за которые мы боремся».

Вот вам и практически-политические «выводы». Еще один шаг, — и мы попадем в число «варваров», противников «истины», «справедливости» и «гуманности».

Не вредно вспомнить, что Р.-Гольст предлагала в то же время (очевидно, тоже из-за соображения о «равновесии страстей») об'единиться со II Интернационалом. Получается замечательная картина: Маслов и К° обвиняют ВКП и КИ в перерождении, бонапартизме, мирных предложениях, предательстве. Полляк требует от нас немедленной

наступательной войны. Суварин защищает «свободу мысли» и свободу лганья и клеветы. Роланд-Гольст и Маннури обвиняют нас в нарушении правил справедливости и гуманности и требуют нашего об'единения со II Интернационалом. Троцкий и К° клевещут на нас, что мы хотим выполнить желание христианнейшей голландской дамы. И все это совершается под одним покровом троцкизма. Ну и шутовская «организация»! Ну и «четвертый троцкистский интернационал»! И тем не менее следует признать, что эти «разносторонние» люди играют чрезвычайно вредную роль.

Это видно хотя бы из статьи «Форвертса» о «платформе оппозиции». Вот что пишет о платформе центральный орган Носке — Шейдемана и К°:

> «Платформа русской оппозиции, изданная издательством «Знамя коммунизма», является потрясающим документом благодаря тем фактам о положении в России, которые она приводит. Когда читаешь абзацы о положении сельскохозяйственных рабочих, то кажется, что читаешь о положении, недостойном человека, из времен дико растущего капитализма, как это изложено в английских Синих книгах середины прошлого столетия и у Маркса».

Вот «потрясающий» документ, «разоблачающий», по словам «Форвертса», весь Советский Союз, ко-

торый по эксплоатации рабочего класса перещеголял, дескать, даже гнусный режим Англии прошлого века! Вы теперь понимаете, товарищи, как защищает оппозиция страну пролетарской диктатуры? Оппозиция стала основным источником отвратительной клеветы на СССР и партию. Она стала придворным поставщиком этой всесветной клеветы, работающим на «социальный заказ» (вот тут словечко кстати) международной социал-демократии и, следовательно, хозяев этой последней.

Что касается интернациональных связей оппозиции, то они установлены с целым рядом группировок, которые никогда и не состояли в рядах Коммунистического Интернационала.

Такова, например, голландская группировка «NAS», таковы полуанархические элементы итальянских эмигрантов и т. д. Вокруг оппозиции подбираются все решительно элементы, которые могут вредить нам, и я должен со всей ответственностью сказать, что в деле обороны СССР максимально вредила нам именно «наша» оппозиция. Ведь, это все же не шутка, если бывшие лидеры компартии начали списывать свое вранье у меньшевиков. («Социалистический вестник» (№ 23) прямо заявляет: «...Верная, точная картина... ничего не теряет от того, что она буквально повторяет «Социалистический вестник». Дожили!!.) Необходимо сказать, что, например, при-

езжавшие к нам члены конгресса друзей Советского Союза, иногда даже беспартийные, говорили, что нет более вредоносной антисоветской силы, как «разоблачения», «сенсации» и т. д., идущие со стороны оппозиции. И партийный с'езд был абсолютно прав, когда сказал, что *такая* «защита» СССР несовместима с принадлежностью к партии. (*Голоса*: «Правильно!».)

X.

КОМИНТЕРН И ЕГО АППАРАТ.

Остановлюсь еще на вопросе об аппарате Коминтерна и некоторых организационных задачах.

У нас была принята, по докладу делегации Исполкома Коминтерна, на предыдущем партс'езде резолюция, которой мы вменили в обязанность делегации ВКП (б) в ИККИ обеспечить коллективное руководство Коммунистическим Интернационалом, привлекая с большей силой представителей иностранных компартий к непосредственному руководству Коммунистическим Интернационалом.

Выполнена ли эта резолюция партийного с'езда? Я должен прямо, товарищи, сказать, что эта резолюция партийного с'езда в значительной степени не выполнена, и руководство и аппарат Коминтерна от этого страдают. Нам не удалось наладить постоянное и полное представительство со стороны коммунистических партий. Иностранные товарищи вынуждены возвращаться в свои страны, поглощенные своими внутренними делами. Базис руко-

водства компартиями чрезвычайно еще узок. Обеспечить присутствие достаточно широкого ядра, которое могло бы постоянно находиться здесь и с полной ответственностью и авторитетностью решать важнейшие политические вопросы, это — задача, которую мы должны во что бы то ни стало решить.

Мы должны обеспечить постоянное представительство важнейших коммунистических партий здесь, обеспечить сплоченное руководящее ядро в Москве, а, с другой стороны, я считаю своим долгом сказать, что нам необходимо, чтобы наша партия дала достаточное количество сил на поддержку аппарата Коминтерна. (Голоса: «Правильно!»)

То же я должен со всей решительностью сказать относительно Профинтерна. Я начал свой доклад с недостатков партии, с недостатков постановки дела у нас. Эти недостатки я рассказал со всей откровенностью. Но заверяю вас, что какие бы резолюции мы ни принимали (о том, что нужно усилить работу Профинтерна, что нужно во что бы то ни стало обеспечить более дружные и координированные выступления Профинтерна и ВЦСПС, обеспечить более активную работу ВЦСПС внутри Профинтерна и усилить еще больше работу, которую проводит ВЦСПС в западно-европейских и других странах), какие бы замечательные и великолепные резолюции мы ни принимали, — все это

останется в значительной мере благими пожеланиями, если мы организационно не усилим наших аппаратов, ибо при всей правильности политической линии, которую Коммунистический интернационал, по моему убеждению, имеет, мы будем страдать по линии выполнения наших директив. Мы очень часто запаздываем с реагированием на целый ряд важнейших событий. Сюда присоединяется еще и то обстоятельство, что представители нашей партии за последнее время в гораздо большей степени, чем раньше, были переобременены работой по линии внутренней. Никаких гарантий, что мы сможем тратить много большее количество времени на дела Коминтерна, у нас нет, ибо обстановка крайне сложна и трудно разорваться на все фронты. Вот почему я считаю необходимым со всей резкостью поставить вопрос о том, чтобы, с одной стороны, обеспечить постоянное пребывание здесь представителей важнейших коммунистических партий, и, с другой стороны, я прошу, чтобы партс'езд поддержал нас в очень скромном требовании поддержать нашу заявку о добавочных силах. То же самое относительно Профинтерна. Нельзя требовать от Профинтерна усиления его работы, если не способствовать укреплению его организационного аппарата. Нам вообще необходимо обратить крупнейшее внимание на проблему руководящих кадров Коминтерна. Кое-что здесь делается. У нас есть

интернациональная ленинская школа. Там подучивается народ. Но дело с образованием руководящих кадров, с подбором людей, как я докладывал, обстоит не особенно хорошо. На это нужно обратить сугубое внимание. На это нужно обратить сугубое внимание еще и потому, что часть наших сил отвлекается в Западную Европу. (У нас было решение об организации западно-европейского секретариата Коминтерна.) Затем я должен обратить внимание еще на один вопрос, который требует от нашей партии большого напряжения сил, — именно, на вопрос частный, но очень большой, на вопрос о том, что мы должны подготовить очередной международный конгресс Коминтерна, который возлагает на нас гораздо больше обязанностей, чем какой-либо другой конгресс. Ибо мы, во-первых, выставляем в первый раз здесь со всей конкретностью такой огромной важности вопрос, как вопрос колониальный: мы подытоживаем такой огромной важности вопрос, как вопрос китайской революции; мы вступаем в новую полосу поворота налево всего западно-европейского движения: мы вступаем в полосу обострения военных опасностей, которые от Коммунистического Интернационала требуют еще и еще раз продумывания всех вопросов, связанных с этим. И, наконец, мы на этот конгресс во что бы то ни стало должны выйти с готовым проектом программы Коминтерна. Это в свою очередь ставит перед нашей

партией вопрос о переделке нашей партийной программы. Мы не можем третий раз отложить принятие программы. Социал-демократические партии на своих последних конгрессах выработали свои новые программы, и мы должны им противопоставить свою боевую программу — программу Коминтерна. Это требует добавочной затраты труда. Мы должны как следует подготовить и провести очередной конгресс Коминтерна, который мы собираем в мае следующего года.

Вот как обстоит дело с некоторыми организационными проблемами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я подхожу к концу.

Если мы сейчас посмотрим на генеральные выводы, которые мы можем сделать из всего того, о чем я здесь докладывал, то мы должны отметить в первую очередь то обстоятельство, что мы вступаем в некоторую новую полосу международного развития, благоприятную для Коминтерна. В Западной Европе мы имеем развертывание противоречий капиталистической стабилизации, в связи с этим решительный крен налево со стороны широких масс рабочего класса. Мы видим, как внутренние противоречия стабилизации в первую очередь экономические, отражаются на обострении социально-классовых противоречий, как рабочий класс, немножко отдохнув после тех поражений, которые он за истекший ряд лет понес, начинает сплачивать свои ряды, выше поднимать свое знамя, леветь, революционизироваться, вновь ставить остро проблемы классовой борьбы и тем самым создает почву для развертывания мас-

совой работы коммунистических партий. В настоящее время мы вступаем не в полосу умиротворения, а в полосу развертывания колониальной борьбы, потому что великая китайская революция не умерла, а живет и развивается; потому что она оплодотворяет своим могучим дыханием индусскую революцию, которая проходит сейчас через этап глухого брожения и неизбежно выйдет на великую историческую арену борьбы против империализма. Мы видим, как европейский капитализм пытается новыми методами коррумпировать рабочий класс, как он блокируется в этом с социал-демократами; но в то же самое время мы видим, что для этих методов нет базы у европейского капитализма, и он, несмотря на взлеты кон'юнктурной кривой, стоит перед новыми колоссальными противоречиями, сопровождающимися все более и более острой классовой борьбой. И мы видим, товарищи, как, несмотря на пацифистские иллюзии, идиллии и обман со стороны социал-демократии, зреют в лоне капиталистического общества конфликты чудовищной, великой, грандиозной силы. Пускай себе социал-демократические филистеры и мещане утешаются иллюзиями насчет «мирного жития» и новой мирной эпохи капиталистического строя, которая-де избавит все человечество от войн. Трезвый марксистский анализ беспощадно вскрывает основную реальность нашего времени: капиталистический режим неизбежно вле-

чет человечество к гигантским катастрофам, которые по своим размерам будут превосходить мировую войну 1914 г. И в то же самое время этот же самый марксистский анализ вскрывает, как в лоне самого капиталистического общества вызрели уже в известной мере силы сопротивления разрушительным катастрофам империалистического периода. Не покой сулит нам будущее: оно сулит нам ожесточеннейшую борьбу. Но в эту борьбу коммунистический рабочий вступает уже не в лице своих одиночек Либкнехтов. В эту борьбу он вступает уже как организованная сила, выделившая свой передовой коммунистический отряд, который с полным сознанием вступает в новую конфликтную полосу человеческой истории. И если мы не можем гарантировать того, что сразу же и с первого выстрела, направленного против Советского Союза, всколыхнется вся масса рабочего класса, то мы можем быть уверены, что этот первый выстрел поднимет на ноги и мобилизует лучшее, что есть в рабочем движении, и, может быть, в мучительной борьбе и через различные ступеньки сомнений и колебаний мы в конце концов поднимем такую громадную океанскую революционную волну, которая начисто сметет и смоет капиталистическое варварство! (Бурные, продолжительные аплодисменты. С'езд устраивает т. Бухарину шумную овацию. Все встают.)

Предварительные замечания.

Я должен прежде всего сказать, что дискуссия, которая развернулась по моему докладу, представляет довольно значительный интерес, потому что товарищи откликнулись на целый ряд вопросов, поставленных в докладе, и потому, что во время дискуссии был сделан ряд правильных дополнений, замечаний, предложений, критических замечаний и т. д. Целый ряд упреков по поводу того, что я некоторые вопросы не осветил, не являются тяжкими упреками, потому что в своем докладе я не мог ответить на все вопросы. Еще у Кузьмы Пруткова сказано, что «никто не обнимет необ'ятного». И даже больше того. Кузьма Прутков говорит: «Плюнь тому в глаза, кто скажет, что можно об'ять необ'ятное». А темы, связанные с работой Коминтерна, если взять всю их совокупность, поистине «необ'ятны». Лишнего же я, кажется, почти ничего не сказал. По существу же я должен, конечно, признать, что ряд вопросов остался без освещения. К списку вопросов, о которых здесь уже говорилось, я мог бы со своей стороны добавить еще целый ряд, причем каждая из этих

проблем, взятая сама по себе, представляет значительный интерес. Например, указывалось, что я почти не коснулся крестьянского вопроса. Это, конечно, правда. Конечно, можно сказать, что я «позабыл середняка», но этого вопроса я не коснулся потому, что вряд ли тут можно сказать что-либо новое по сравнению с тем, что было сказано, вряд ли можно наметить какие-нибудь особливые задачи, которые уже не были намечены Коминтерном. Я не коснулся таких вопросов, как вопрос о юношеском движении, о состоянии КИМа и пр., хотя этот вопрос, как вы все прекрасно понимаете, в особенности в связи с нашей антимилитаристской работой, представляет большой интерес. Я не касался вопроса о работе женских организаций, хотя нельзя отрицать, что работа женских организаций — это есть вопрос, который сам по себе имеет крупнейшее значение. Я, наконец, не коснулся такого рода вопросов, как работа широких беспартийных организаций, так или иначе связанных с нами, так или иначе находящихся под влиянием Коминтерна или отдельных его секций, — я не коснулся вопроса о работе МОПРа, Межрабпома, кооперативной секции Коммунистического Интернационала, Спортинтерна и т. д. и т. п. Товарищи, которые работают в какой-либо из этих областей, могут с известным основанием направить по моему адресу упрек, что я не коснулся этих вопросов.

Но повторяю, «никто не может об'ять необ'ятного», и, исходя из этого мудрейшего правила, я на этих вопросах и не останавливался.

От одной из групп делегатов партийного с'езда я получил записку, в которой товарищи просят несколько остановиться на внутренней организационной механике и внутренней организационной жизни отдельных секций Коминтерна. В заключительном слове эту обширную тему я не сумею развить так, как это следовало бы сделать, и отсылаю всех интересующихся этим вопросом товарищей к серии статей тов. Пятницкого, специально посвященных этому вопросу, статей, где самым подробнейшим образом рассказано о внутриорганизационной жизни коммунистических партий, о работе коммунистических фракций в профсоюзах и других организациях, о распределении наших сил по различным странам и по различным отраслям производства и т. д., и т. п., где выдвинут целый ряд практических организационных задач и намечены методы решения этих задач.

Разрешите ограничиться только некоторыми беглыми замечаниями на этот предмет. Если товарищи спрашивают, как быстро идет реорганизация наших партий в смысле перехода их на ячейковую систему, на систему фабрично-заводских ячеек, то в общем и целом этот переход совершается повсеместно, почти во всех важнейших секциях Коммунистического Интернационала.

Одним из больших недостатков нашей организационной работы является то обстоятельство, что в ряде мест, как раз на крупнейших предприятиях, коммунисты слабее, чем в более мелких предприятиях. Это обстоятельство об'ясняется не только тем, что иногда рабочие крупного предприятия поставлены в значительно лучшее материальное положение и поэтому больше поддаются социал-демократическому влиянию, — но это связано в первую очередь с тем, что при системе фабрично-заводских ячеек, на которую мы переходим, коммунисты как таковые быстрее «выявляются» на фабриках и заводах. Капиталисты борются с активно работающими коммунистическими ячейками на предприятиях средствами полицейского и экономического террора, вылавливают и вышибают коммунистов из фабрик и заводов. Таким образом система фабрично-заводских ячеек, которая является абсолютно необходимым организационным принципом для нас, так как дает нам лучшие возможности в смысле организационного охвата рабочих масс, с другой стороны, вызывает усиление ударов, направляемых по членам партии.

Дальше нужно отметить, что у нас в целом ряде партий весьма значителен процент безработных коммунистов; в сравнении с коммунистами работающими, этот процент в некоторых странах очень высок. Это связано точно так же с совершенно понятным явлением: наиболее револю-

ционную часть рабочих капиталисты в первую очередь «сокращают», выбрасывая наших товарищей на мостовую и нередко прибегая к системе так называемых «черных списков». Поскольку же у нас сравнительно велик процент безработных, поскольку они непосредственно не заняты в том или другом фабрично-заводском предприятии, постольку трудности перехода на фабрично-заводскую систему ячеек еще больше увеличиваются.

Есть целый ряд специфических трудностей при этом переходе, например трудности, вытекающие из сезонного характера работы известной части рабочих, или трудности, связанные со специальным характером работы, например у портовых рабочих, и т. д. Все эти добавочные трудности несколько замедляют процесс перехода, но в общем и целом он всюду проводится не без успеха.

Что касается вопроса об охвате крестьянства в смысле привлечения крестьянства в ряды наших партий, то нужно отметить, что крестьяне в наших партиях составляют чрезвычайно маленькую величину. Таковы мои замечания по организационному вопросу.

Я должен еще сделать два частного рода замечения для того, чтобы потом уже перейти к некоторым основным проблемам, которые были поставлены в речах выступавших здесь товарищей. Я должен сделать одно замечание в связи с дискуссией Ларин — Скрыпник, с одной стороны,

и дискуссией Скрыпник — польские товарищи — с другой. Как видите, «об'единяющим звеном» в обеих этих дискуссиях является фигура тов. Скрыпника.

Что касается дискуссии Ларин — Скрыпник, я должен заметить следующее. Мне кажется, что тов. Ларин прав, когда говорит, что мы можем открыто выступать и отмечать недостатки во всех областях нашей работы, в том числе и в национальной политике. Национальная политика не представляет решительно никакого исключения из всех тех отраслей нашей работы и нашей политики, где есть недостатки, которые подлежат критике, иногда даже жесточайшей критике.

Тов. Ларин неправ, и эта сторона его выступления перевешивает, потому что его критика приобретает особое политическое значение, поскольку в его статье, напечатанной в «Большевике», было такого рода заявление, что наши украинские товарищи проводят украинизацию на «петлюровский манер». Такого рода заявления, их политический вес, может быть очень велик; в особенности, в атмосфере острой постановки национального вопроса он получает особое, непропорционально большое значение. В этом отношении можно сказать, что редакция «Большевика» сделала большую ошибку, поместив статью тов. Ларина без примечания, или вообще оставив соответствующее место в его статье. Я думаю, что этим вопрос может и дол-

жен быть исчерпан, поскольку речь идет об этом маленьком «сражении» между тов. Лариным и тов. Скрыпником.

Что касается дискуссии между тов. Скрыпником и представителем польского ЦК, то мне кажется, что тов. Скрыпник совершенно напрасно этот вопрос вынес на арену партийного с'езда. Польские товарищи обеих фракций, обеих групп совершенно единодушно заявляли, что соответствующий товарищ, член Центрального комитета, сам не поляк, а белорусс, не говорил того, что приписывает ему тов. Скрыпник, опирающийся на неисправленный экземпляр стенограммы. Между тем всякому понятно, что могут быть ошибки при записи. Использовать текст, от которого все отказываются, — это бестактно, тем более, что сейчас обеспечение максимального единодушия между украинскими товарищами и товарищами из польской партии является основным условием нашей победы. Позвольте заявить, что это единодушие стоит вне всяких сомнений. Вот те замечания, которые мне представлялось необходимым сделать по этому поводу.

Анализ капиталистической экономики и вопрос о тенденциях к госкапитализму.

А теперь разрешите мне перейти к ответу на ряд замечаний, сделанных здесь по существу моего доклада. Прежде всего я должен сказать не-

сколько слов по поводу некоторых замечаний тов. Угланова, который, вообще говоря, сделал целый ряд совершенно правильных указаний. Тов. Угланов в своем выступлении сказал, между прочим, что мне необходимо было остановиться на «другой стороне стабилизации», именно на противоречиях, которыми она сопровождается, в частности в Германии. И когда я разрешил себе крикнуть с места, что я на этом подробнейшим образом останавливался, тов. Угланов сказал, что это «не так». Однако простая справка со стенограммой целиком подтверждает мою правоту. В стенограмме сказано:

> «Мы имеем целый ряд противоречий в Центральной Европе. Если мы возьмем главную точку приложения всех европейских противоречий, то мне кажется, что этой точкой приложения европейских противоречий является Германия. На примере Германии виден весь пук этих противоречий».

И дальше идет пункт о репарациях, цитаты из «Рейнско-Вестфальской газеты» от 14 октября; затем идет подробный анализ вопроса о долгах, об экспорте, необходимом для покрытия платежей, о пассивности немецкого торгового баланса, о противоречии между экономикой германского капитализма и «разоружением» Германии и т. д., и т. п.

Всюду красной нитью проходит мысль, что Германия — классическая страна противоречий стабилизационного процесса.

Я благодарен за каждое указание критики. Я извиняюсь за перегрузку материалом, который я обрушил на членов партийного с'езда. Но, во всяком случае, я «скромно констатирую», что сие все было мною сказано в самом начале моего доклада.

Перехожу к вопросу о государственном капитализме. Прежде всего я должен опять-таки остановиться на некотором самоцитировании; как сие ни неприятно, но это абсолютно необходимо. О чем я говорил по этому вопросу? Говорил я о госкапитализме как факте? Нет, я говорил о тенденции в сторону госкапитализма. Говорил я относительно того, что, в первую очередь, подчеркиваю не формальную госкапиталистическую организацию, т. е. не прямое вмешательство государственной власти в хозяйственную жизнь или огосударствление хозорганизаций? Говорил. Больше того, я говорил, что в целом ряде стран считаю необходимым подчеркнуть ту тенденцию, которую я бы назвал тенденцией трестификации самой государственной власти. Ставил ли я вопрос так, будто здесь происходит какой-то принципиально новый процесс, которого раньше не было? Ничего подобного. Я сделал соответствующие ого-

ворки, прямо сказав, что здесь ничего **принципиально нового нет**, но что количественно этот процесс пошел, в особенности за последнее время, таким темпом, что это явление должно быть отмечено как одно из **крупнейших** явлений современной экономической жизни. Вот что я говорил. Теперь на это положение повели атаку тов. **Лозовский** и тов. **Шацкин**. Так как эти товарищи заявили, что этот вопрос имеет крупнейшее теоретическое и практическое значение и что из неправильного решения этого вопроса может произойти довольно значительная путаница, то я считаю необходимым на этом вопросе остановиться несколько более подробно. Начну с речи тов. **Лозовского**. Тов. **Лозовский** говорил по моему адресу следующее (цитирую по стенограмме):

> «Тов. Бухарин здесь, давая картину нынешнего состояния, главным образом, европейского и американского капитализма, обратил внимание на то, что **сейчас начинается** или **выявляется период государственного капитализма**, растущих синдикатов и концернов, а синдикаты, концерны и тресты растут; все растущую мощь частно-монополистических организаций он **об'единил общим названием — госкапитализм**».

Если бы я действительно говорил то, что приписывает мне тов. **Лозовский**, то я был бы дей-

ствительно неправ по всей линии. Но беда тов. Лозовского заключается в том, что он полемизирует против вещей, которые он выдумал сам и приписал мне. В самом деле, разве я говорил, что «сейчас» (!) «начинается» (!!) или «выявляется» (!!!) «период государственного капитализма» (!!!!)? Ничего подобного я не говорил и говорить не мог. Я говорил, наоборот, что ничего принципиально нового не случилось. Я говорил, далее, что речь идет о «тенденциях в сторону государственного капитализма», поскольку, в первую очередь, снизу, т. е. из среды хозорганизаций капитала, развивается тенденция в сторону сращивания этих организаций с организацией государственной власти. Одно дело — сказать об этих тенденциях и совсем другое дело — «об'единить» рост хозорганизаций «общим названием — госкапитализм».

Далее тов. Лозовский замечает:

«Что происходит? Что тресты, концерны, эти самые монополистические организации, руководят буржуазными государствами. Это верно. Это руководство усилилось. Происходит, если можно так выразиться, не огосударствление этих концернов и трестов, а известная трестификация (Бухарин об этом, кажется, говорил) государственного аппарата, которую можно

(!—Н. Б.) назвать теоретически госкапитализмом. Мне кажется, что так назвать нельзя».

Здесь я должен отметить ту же ошибку тов. Лозовского, вернее, дальнейшее развитие его уже отмеченной ошибки. Во-первых, нельзя так полемизировать по вопросу, который сам считаешь важным, нельзя говорить: «Бухарин об этом, кажется, говорил». Я действительно об этом говорил; не «кажется говорил», а просто: говорил. Во-вторых, я не говорил (и это является в данном случае решающим), будто «трестификацию госвласти» «можно назвать госкапитализмом». Если бы я утверждал это, я бы «перепрыгивал» через большую стадию развития, тенденцию принимал за завершенный процесс, т. е. накладывал бы схему на жизнь, которая этой схеме не соответствовала бы. Но, к счастью, тов. Лозовский неправ, ибо я говорил о тенденциях в сторону госкапитализма, т. е. о тенденциях, готовящих госкапитализм. А это вовсе не одно и то же. Тут нужна величайшая точность. Вот почему возражения тов. Лозовского бьют мимо цели.

Перехожу теперь к тов. Шацкину. Тов. Шацкин пытался обосновать еретичность моих положений цитатами даже из «Азбуки коммунизма». Я, конечно, не разделяю того, что мы все перезабыли «Азбуку коммунизма», как не могу согласиться и

с тем, что я забыл написанное в «Азбуке коммунизма» и вообще забыл азбуку коммунизма и с большой и с маленькой буквы.

Тов. Шацкин пытался дать «подробный анализ» и в первую очередь заявил, что ему хотелось бы «отвести» несколько аргументов тов. Бухарина и, «обзирая» ряд стран, пришел к убеждению, что я неправ по всей линии.

Я позволю себе пойти по пятам за тов. Шацкиным в этом «обзоре» и анализе. Прежде всего я должен сделать вот какое замечание общего характера. При обзоре внутренней структуры империалистических государств и их экономики мы должны различать между теми элементами государственного капитализма в Западной Европе, которые имеют специфически-военный характер и до известной степени могут быть взяты как параллель к эпохе военного коммунизма у нас, от современных элементов или тенденций в сторону государственного капитализма западно-европейских стран. Это мы должны сказать, потому что, если мы, например, имеем целый ряд мероприятий госкапиталистического характера, которые обусловливались военными потребностями капиталистических стран Западной Европы, непосредственно во время войны, то совершенно естественно, что после войны мы имеем процесс отмирания этих форм военно-государственного капитализма. Но это не означает процесса отмирания тенденций в сторону

госкапитализма вообще. Это различие необходимо осмыслить, чтобы некоторые ложные аргументы не принять за действительные, чтобы временные тенденции не принять за основные, чтобы не спутать разнородных вопросов, которые связаны друг с другом, но которые существенно разнятся по своему содержанию.

Перейдем, однако, к детальному разбору аргументов тов. Шацкина. Тов. Шацкин начинает с Италии и утверждает, что факт возникновения «корпоративного государства» в Италии не может ни в какой мере быть аргументом за наличие госкапиталистических тенденций, что ссылка на Италию неправильна. Почему неправильна? «Оказывается», потому, что «во время войны мы имели парламентские правительства, по крайней мере по их формальному происхождению, и в Германии и в Англии, тем не менее они были гораздо более государственно-капиталистическими, чем нынешнее корпоративное государство Муссолини». Значит, решающий аргумент относительно Италии у Шацкина заключается в том, что во время войны в Германии и Англии были более развитые госкапиталистические элементы, чем без войны в теперешнем «корпоративном государстве» Муссолини. Но разве это есть аргумент? Конечно, нет. Потому что послевоенная фашистская Италия развила впервые ряд тенденций госкапиталистического порядка, которых раньше, во время войны,

там не было. Тов. Шацкин, который спорит со мною, сам вынужден признать: «Кстати сказать, эти госкапиталистические устремления в Италии, они там действительно есть». А если есть, то из-за чего же «огород городить»?

Тов. Шацкин выставил другой «аргумент», что три года назад итальянское правительство носилось с идеей отмены государственных монополий. Хорошо. Но ведь из этого ровно ничего не вышло. А это самое важное. Вы взялись доказывать неверность моего положения, а в результате пришли к тому же, что выдвинул я. Так что я вполне удовлетворен результатами вашего «обозрения» в отношении Италии. (Шацкин. «Я спорил против корпоративного государства в качестве признаков госкапитализма?») У вас прямо написано: «Госкапиталистические устремления действительно есть». А что касается вопроса по существу, то я здесь приводил ряд фактических доказательств, а вы ни одним словом не опровергли их, в том числе вы не опровергли ни факта регулирования цен государством, что является очень существенным моментом в развитии непосредственных госкапиталистических тенденций, ни огосударствления профсоюзов. Таким образом «итальянский аргумент» тов. Шацкина очень, очень слаб.

Далее тов. Шацкин отводит мой «венский» аргумент. Кстати сказать, я не «порхал» от одной

страны к другой, беря эти страны по случайному выбору, а взял разные *типы* стран, в которых *по-разному* проявляется тенденция в сторону государственно-капиталистического развития. Я взял Германию, Италию, Австрию и Японию как четыре *типа* стран, в которых *по-разному* проявляются эти тенденции. Тов. Шацкин бежит за мной следом «петушком» и говорит: «Я должен отвести и второй аргумент тов. Бухарина насчет венского муниципалитета», потому что, де, «хозяйственная деятельность венского муниципалитета кроме социалистической демагогии ничем принципиально не отличается от деятельности остальных муниципалитетов». В смысле *капиталистического* характера она, само собою разумеется, принципиально и не может отличаться от деятельности других муниципалитетов. «Венский муниципалитет не затрагивает венской промышленности и не регулирует ее», — так утверждает тов. Шацкин на одной странице стенограммы.

Я переворачиваю страницу и читаю: «Правда, *его предприятия имеют в австрийском народном хозяйстве несколько больший удельный вес, чем в других странах*». Но если венский муниципалитет не затрагивает промышленной жизни, то как же он может иметь *предприятия*? (*Шацкин*: «Речь идет о частном».) А я говорил не об этом. С одной стороны, тов. Шацкин говорит, что венский

муниципалитет не затрагивает промышленной жизни; а с другой стороны, изумленный читатель и слушатель узнает, что у него есть какие-то предприятия, которые имеют «несколько больший удельный вес, чем в других странах». Можно указать эти «предприятия»: производство и подача газа, электрические предприятия, Арсенал (где производятся и сельскохоз. орудия), жилищное строительство и т. д. Кроме того, существуют концессионные предприятия, регулируемые венским муниципалитетом. Сюда же относятся электрическая железная дорога и средства транспорта вообще. Идем дальше. Тов. Шацкин говорит: «Но это об'ясняется тем, что... от всей Австрии после сен-жерменского мира осталась всего одна столица и ее окрестности». А как называется эта столица? (Шацкин: «Вена!») Эта столица действительно называется Веной. Как же вы говорите в то же самое время, что венский муниципалитет не затрагивает промышленной жизни? Вот уж поистине человек заблудился в двух соснах. (Смех.) Однако все же остается фактом то, что тов. Шацкин признает, что предприятия венского муниципалитета имеют больший удельный вес, чем в других странах, а сама Вена — почти вся Австрия. Если он признает все это, если он признает, что Вена — это почти Австрия, что венский муниципалитет «затрагивает» промышленную жизнь,—то мне больше абсолютно ничего не нужно. Раз он все это при-

знал, мне никакой шкуры больше с него драть не нужно. (Смех.)

Тов. Шацкин «отводит» далее мой третий аргумент — насчет Японии. «В Японии есть действительно элементы госкапитализма, но, во-первых, это не ново». Это тоже не ново. Но я спрашиваю: росли или не росли эти элементы за последнее время? Ведь в этом заключается вопрос. Вот это есть новый вопрос, а вы его молчаливо обошли. Я не утверждаю, что эти элементы выросли. А вы в этой части отмалчиваетесь, вы говорите о всяких других «интересных» вещах, но этот вопрос обходите, на этот вопрос не отвечаете. А ведь в этом как раз гвоздь дискуссии. Следовательно, этот ваш «аргумент» тоже никуда не годится. И дальше тов. Шацкин говорит относительно Японии: «Как сам Бухарин признает, это возникло на основе своеобразного перехода Японии от феодализма к капитализму, и, следовательно, не может быть перенесено в международную обстановку в качестве международной тенденции». Хорошо. То, что госкапиталистические тенденции в Японии возникли на основе своеобразного перехода, говорит об особых формах, в которых это происходит. Это я сам и отмечал. Но разве это есть аргумент против моего аргумента? Ну, хорошо, я сам говорил о развитии этих тенденций на основе своеобразного перехода. Но ведь я подчеркивал, кроме того, другой, тоже очень крупный момент, тот момент, что

в силу своего международного положения Япония должна была сжимать внутри себя больше, чем другие империалистические державы, «кулак» собственной экономики, почему госкапиталистические элементы и должны были расти быстрее. Но это как раз и свидетельствует о наличии международных факторов, форсирующих развитие этих тенденций в Японии. Что же вышло у тов. Шацкина? А то, что, прокрутившись на одном месте, он вынужден был еще раз констатировать то, о чем я говорил. Но раз он пришел к тому же, — мне от него больше абсолютно ничего не нужно и по японской линии.

Тов. Шацкин берет в качестве главнейшего аргумента указания на условия развития еще двух стран и думает, что это разбивает всю мою аргументацию в пух и прах. Он берет Францию и Германию и утверждает, что во Франции и Германии мы имеем не процесс роста тенденций в сторону госкапитализма, а обратный процесс. Я, во-первых, усиленным образом подчеркиваю еще раз, что я говорил о тенденциях в сторону госкапитализма, а не о госкапитализме как готовой формации, во-вторых, то, что речь идет у меня, в данной связи, в первую очередь о процессе сращивания «снизу» крупнейших централизованных предприятий, концернов, трестов и пр. с органами государственной власти, что и идет по линии развития этих тенденций. Имеем ли мы во Франции, действительно

«обратный процесс»? Я не знаю, на чем может основываться подобное утверждение. Франция за время войны, и в особенности за послевоенный период, впервые сделалась крупнейшей промышленной страной. Я повторяю касательно Франции: решительно всем известно, что за время войны и в послевоенный период Франция впервые стала крупной промышленной страной, после того как она отхватила значительную часть от Германии и «округлилась» в результате военной победы. Она, несмотря на все беды и препятствия, вытекающие из послевоенной конъюнктуры (инфляция, падение франка и целый ряд других вещей), все же выдвинулась за последнее время в Европе как страна промышленного развития и трестифицированной промышленности. Это есть реальный факт развития послевоенной французской экономики, факт, который должен быть отмечен в первую очередь. Остается непреложным то, что никогда еще во французской жизни не имелось такого сращивания крупнокапиталистических организаций непосредственно с государственной властью, как это имеет место теперь, в особенности при правительстве Пуанкаре. Это влечет за собой политические следствия именно потому, что «Комите де Форж» — это есть Пуанкаре, потому что национальный блок есть непосредственное выражение этих крупнейших организаций, потому что это

правительство крупных трестов, банков и картелей. Именно это я и подчеркивал.

Теперь относительно Германии. Тов. Шацкин обошел некоторые особо ударные места в моей аргументации. Например, факт или не факт, что Германия переделывается на основе электрификации? Верно или не верно, что $^4/_5$ всего производства электрической энергии находится в руках государства или муниципальных органов? А ведь это есть технико-экономическая основа переустройства всей экономики страны. Разве можно обойти этот основной факт? А о нем тов. Шацкин абсолютно ни слова не сказал, и выдвигал в качестве решающего аргумента совсем другой. Но, тов. Шацкин, и этот второй «аргумент», ваш пример с железными дорогами, абсолютно никуда не годится. Он говорил, что железные дороги передали частным обществам, что казенные железные дороги распродали, и что-де это есть процесс, обратный процессу развития тенденций в сторону госкапитализма. Однако в чьих руках находятся железные дороги? Фактически они находятся в руках агента по репарациям. Общество, владеющее железными дорогами, это специальное общество, которое создано для того, чтобы передать контроль над железными дорогами в распоряжение других государств. По сути дела, действия агента по репарациям иллюстрируют ярко выраженное политическое государственное начало, но только других

государств. Другие государства распоряжаются железными дорогами. Но этот пример выдвигать в качестве примера, который уничтожает мою аргументацию, явным образом не годится.

Я утверждаю, что такие крупнейшие комбинаты, как стальной трест, никогда еще не были так сращены с государственной властью, с германским правительством, как они сращены сейчас. Во-вторых, я утверждаю, что $^{4}/_{5}$ производства электричества находятся в руках государственных или муниципальных органов.

Можно теперь подытожить результаты дискуссии по этому вопросу, дискуссии, которая оказалась, на мой взгляд, все же не бесполезной.

Мы видим, что развитие тенденций в сторону госкапитализма идет двумя главными путями. С одной стороны (и это является главной тенденцией), происходит процесс сращивания хозяйственных организаций капитала с органами государственной власти «снизу» (то, что я назвал «трестификацией» государственной власти); здесь нет еще формальных моментов госкапитализма, но эти тенденции, очень яркие и очень существенные, готовят почву для госкапитализма, они могут быть поэтому с полным правом названы «тенденциями в сторону госкапитализма», ибо выражают собою реальный процесс «сращивания».

С другой стороны, мы имеем и известный рост уже формальных госкапиталистических

элементов (госпредприятия, владение акциями трестов, коммунальные предприятия, огосударствление профсоюзов, регулирование цен и т. д., и т. п.). Этот процесс идет, так сказать, «с в е р х у».

В разных странах мы наблюдаем с в о и варианты развития. Было бы неправильным, опрометчивым, вредным, если бы мы, перепрыгивая через различные ступени развития, об'явили «эру», «период» и т. д. госкапитализма, как текущей фазы развития. Но точно так же неправильно не видеть вышеозначенных тенденций, которые все более и более противопоставляют пролетариат совокупным силам об'единяющейся буржуазии, находящей себе полную поддержку социал-демократического оппортунизма. Таков баланс в этом вопросе. Прежде чем перейти к т а к т и ч е с к и м проблемам, еще одно замечание.

Я должен сказать, что тов. Л о з о в с к и й, на мой взгляд, совершенно правильно подчеркнул проблему рабочего движения на Тихом океане. Это само по себе правильно, ибо у цитированного мною Кузьмы Пруткова сказано в двух местах следующее: во-первых: «Самые отдаленные пункты земного шара к чему-нибудь да близки, а самые близкие от чего-нибудь да удалены». (С м е х.) У него есть еще и другое мудрое изречение: «Во всех частях земного шара имеются свои, иной раз довольно любопытные, д р у г и е части». (С м е х.) Я думаю, что тов. Лозовский совершенно правильно

сделал, что подчеркнул некоторые другие, особо любопытные, «части» на большом материке, где рабочее движение впервые развивается.

Я должен все же сделать одно замечание касательно **общей** оценки тов. Лозовским затронутой им проблемы. Мне кажется, что все-таки тов. **Лозовский** очень переоценивает наши силы, т. е. силы Профинтерна и силы всего коммунизма на **данном** этапе, когда он говорит об этих проблемах. Ну, возьмем, к примеру, **австралийское** рабочее профдвижение. Тов. Лозовский сгреб его под «свою руку» и считает его своим, точно оно у него в кармане. Между тем, это не совсем так. Представители австралийского профдвижения могут двадцать раз приезжать на наши конференции и пр., но все же мы хорошо знаем, что тред-юнионистское австралийское профдвижение пока, в общем, чрезвычайно реформистское и что зачислять, — сколько вы считали там, — почти 500 тысяч членов австралийских профсоюзов прямо, непосредственно по «своему департаменту», это очень неосторожно. Мы там имеем зацепки, мы туда сейчас запускаем наши щупальцы, мы должны там вести работу с возрастающей энергией, но я лично не надеюсь здесь на большие успехи в самое ближайшее время. База для наших успехов там пока не такая большая, потому что австралийские рабочие поставлены относительно в очень привилегированное положение. Мы подробно обсуждали с

австралийскими товарищами положение в их стране и пришли после длительной дискуссии к такому заключению, что рассчитывать на чрезвычайно розовые перспективы на ближайшее время там не приходится. Так будет вернее.

Главная тактическая линия.

Теперь о главной тактической линии. Я, прежде всего, должен констатировать, что все выступавшие ораторы, без исключения, с полным единодушием солидаризировались с той линией, которая за последнее время была выработана Исполкомом Коминтерна и в отношении реформизма, и касательно тактики единого фронта, и специально касательно выборной кампании, и специально относительно профсоюзной тактики.

В скобках должен заметить, однако, что этот последний вопрос, вопрос о нашей профсоюзной тактике, мы здесь, — ни я, ни тов. Лозовский, ни товарищи, говорившие от имени ВЦСПС, — не развили подробно. Наши формулировки, к которым мы пришли, еще далеко не решили всего этого вопроса потому, что в различных странах перед нами встает целый ряд конкретных проблем, решение которых не может быть исчерпано общими универсальными формулами о принципах работы в профсоюзах. Возникает целый ряд более конкретных специальных вопросов. Например, можно ли, нужно ли там, где имеются, с одной стороны, рефор-

мистские организации, с другой стороны, наши, — вербовать рабочих непосредственно в наши организации? Можно или нельзя ряд организаций, которые перешли на нашу сторону, и еще обретаются в лоне Амстердама, выдергивать из реформистского профсоюза, или, наоборот, нужно там дать зреть делу, чтобы сделать наших сторонников опорной базой внутренней работы по завоеванию всей массы членов реформистских профсоюзов? И т. д., и т. п. Одно единственное решение подобных вопросов, на мой взгляд, совершенно невозможно потому, что в каждой отдельной стране имеются свои, особые условия, разнообразие которых не позволяет нам связать себе руки общей формулой, обязывающей действовать по одному шаблону в ряде совершенно разнородных случаев.

Мы должны, однако, со всей силой подчеркнуть, что мы не меняем основ нашей тактики в профсоюзном движении и что мы отнюдь не хотим в данных условиях выходить из реформистских профсоюзных организаций. Эта мысль была бы абсолютно неправильной, и такого рода тактика была бы вредной для дела пролетарской революции. Наша тактика, которую мы сейчас должны проводить, в ряде стран, как по линии чисто политической, так и по линии других отраслей работы, состоит вовсе не в том, чтобы радикально менять наш прежний курс.

Однако, несмотря на то, что все товарищи были в общей постановке вопроса с тактической линией,

которую мы здесь защищали, абсолютно солидарны, я все же считаю своим долгом остановиться на некоторых тактических разногласиях, которые в процессе прений обнаружились на настоящем партийном с'езде. Я, прежде всего, должен здесь разобрать аргументы тов. Лозовского касательно наших лозунгов. В своем докладе я выступал с тем положением, что в теперешний момент нам никоим образом невозможно выставлять лозунги буржуазной национализации предприятий, отдельных производств и пр., равно как не можем мы выставлять сейчас и лозунг «рабочего контроля», поскольку мы не имеем непосредственной революционной ситуации. Тов. Лозовский против этого довольно энергично спорил.

Главный его аргумент относительно вопроса национализации заключался в следующем: если бы мы говорили относительно национализации с выкупом, — это было бы оппортунизмом; если же мы говорим относительно национализации без выкупа, то что тут, так сказать оппортунистического?

Второй аргумент тов. Лозовского заключался просто в ссылке на практику. Он говорил: возьмите Англию, — должны мы отказаться там от лозунга, скажем, национализации угольных копей, лозунга, который все время выставлялся, все время поддерживался, лозунга, на котором развертывалась ожесточенная классовая борьба? И Англией

он аргументировал для доказательства своего общего тезиса о том, что лозунг национализации мы поддерживать должны. Я полагаю, что эти аргументы неправильны. Основной вывод моего доклада такой, что мы должны еще более решительно, чем до сих пор, атаковать социал-демократию по всей линии фронта. Что в социал-демократической идеологии, в ее тактической установке является решающим? Решающим является их госкапиталистическая ориентация, решающим является то, что они хотят рабочий класс, начиная от работы в фабрично-заводских комитетах до работы в Лиге наций, втянуть в систему сотрудничества с капиталистической буржуазией. Это есть решающее. И совершенно понятно, что если такова действительно установка социал-демократии, то нужно рвать эту «госкапиталистическую» занавеску «от верхнего края до нижнего». Вот в чем должна быть наша тактическая линия. Если мы выставили бы сейчас лозунг национализации какой-нибудь отрасли производства, т. е. передачи его буржуазному государству, то мы ничем принципиально в этой установке не отличались бы от социал-демократии. Мы должны были бы тогда высказаться за целый ряд буржуазных национализаций, муниципализаций и т. д. А что должны были бы делать фабрично-заводские комитеты в этих предприятиях? Они должны были бы помогать всему этому делу. Они мало-по-

малу переползли бы на путь капиталистической рационализации и т. д. Это была бы целая линия, которая сейчас в особенности была бы сугубо неправильной и оппортунистической.

Так стоит вопрос по существу. А теперь разрешите сказать, как он стоял у нас формально. У нас по этому поводу есть решение III конгресса Коминтерна. III конгресс! Почему я подчеркиваю слова «III конгресса»? Я подчеркиваю эти слова потому, что именно на III конгрессе нами был совершен, под руководством Владимира Ильича, крупнейший тактический поворот, связанный, как это теперь стало совершенно ясным, с переходом от непосредственно-революционной ситуации к периоду временной стабилизации капитализма. Значит, можно III конгресс обвинять в чем угодно, но только не в излишнем радикализме. А что сказано в резолюциях III конгресса? В 5-м разделе тактической резолюции под заголовком: «Частичная борьба и частичные требования», мы читаем:

> «Таким же обманом народных масс является выставляемое центристскими партиями требование социализации или национализации важнейших отраслей промышленности, без победы над буржуазией. Они стремятся отклонить рабочих от действительной, живой борьбы за их ближай-

шие цели, в надежде на постепенный захват одного промышленного предприятия за другим, после чего начнется «планомерное» экономическое строительство. Таким образом, социал-демократы возвращаются к социал-демократической программе-минимум, которая превратилась в явный контрреволюционный обман».

Вот как свирепо написано по поводу требования национализации! После таких «крепких слов», в которых формулировано это решение, я думаю, каждому ясно, что спор относительно того, был ли я прав или неправ, когда выступал против лозунга национализации, является совершенно излишним.

Правильно, однако, что мы делали все время исключение для Англии. Почему мы сделали в этом вопросе исключение для Англии? В Англии на этом вопросе была разожжена огромная борьба; этот лозунг был в традициях даже революционных пролетарских группировок. Для Англии было сделано известное исключение именно потому, что это был лозунг, который имел сильные традиции и на котором фактически уже шла борьба. Известно, что для Англии мы делаем и целый ряд других исключений, например, мы предлагаем оставаться в рабочей партии, несмотря на то, что верхушка ее совершенно сгнила. Владимир Ильич эту тактику обосно-

вал в ряде своих работ. Но именно исключительное положение Англии и не позволяет нам обобщать эти исключения, превращая их в правило.

Как обстоит дело с вопросом относительно лозунга контроля над производством? В той же тактической резолюции III конгресса совершенно точно формулирован вопрос относительно лозунга контроля над производством. Там сказано:

«По мере того как борьба за частичные требования и частичная борьба отдельных рабочих групп разрастается в общую борьбу рабочего класса против капитализма,. коммунистическая партия тоже должна углублять свои лозунги, об'единяя их под единым лозунгом низвержения противника. При выставлении своих частичных требований коммунистические партии должны обращать внимание на то, чтобы эти требования, соответствующие потребностям широких масс, не только вели эти массы к борьбе, но, по своему существу, явились бы организующим началом. Все конкретные лозунги, вытекающие из экономических нужд рабочих масс, должны быть сведены в русло борьбы за контроль над производством, не по плану бюрократической организации народного хозяйства при капиталистическом режиме, а

через посредство фабрично-заводских комитетов и революционных профсоюзов».

Другими словами, тут прямо сказано, что поскольку рабочая борьба об'единяется и поскольку она переходит в борьбу за власть, постольку мы должны углублять наши лозунги и экономические требования об'единять требованием рабочего контроля.

Но это значит, что вопрос о лозунге рабочего контроля ставится в связь с нарастанием революционной ситуации. Против этого лозунга вообще я не возражаю; при нарастании непосредственно революционной ситуации он совершенно правилен. Но он совершенно не правилен в теперешнее время, когда нет еще непосредственно революционной ситуации. Лозунг контроля над производством приобретает сугубо неправильное значение, если он соединен с лозунгом буржуазной национализации, потому что тогда получается прямая социал-демократическая ориентация.

Правые и „левые" уклоны.

Перехожу сейчас к вопросу относительно правого и левого уклона. Я, прежде всего, остановлюсь на том, что здесь говорил тов. Шац-

кин. Тов. Шацкин в общем совершенно правильно дополнил приведенные мною факты правых уклонов и ошибок отдельных партий, другими фактами, промахами и ошибками правого характера. Должен, однако, отметить, что в двух местах тов. Шацкин прегрешил против истины. Например, когда он говорил про французскую партию: «Значительная группа французских товарищей становится на поддержку радикалов по всей линии», то это неправильно. Та, колеблющаяся группа товарищей — членов Политбюро, о которой говорил тов. Шацкин, не выставляет поддержки радикалов «по всей линии». По-моему, вы здесь перебарщиваете. Второе перебарщивание, это когда тов. Шацкин утверждает, будто сейчас в Германии правая группа за последнее время более оформилась, тогда как она раньше-де и пикнуть не смела. Я считаю это утверждение тоже неправильным. Еще сравнительно недавно большая часть бывших правых об'единилась вместе с так называемой группой Эрнста Майера. Здесь, в Москве, было при нашей поддержке и помощи заключено «соглашение» между группой тов. Майера и Центральным комитетом, причем тов. Майер, руководитель этой бывшей правой группы, подписал заявление, что отказывается от своих прошлых ошибок и будет работать вместе с Центральным комитетом. Руководителей этой группы, которая работала в Германии, мы поставили на путь

консолидации с Центральным комитетом, и они работают сейчас довольно хорошо. Это есть факт. Что это означает? Рост, оформление правой группы, или наоборот? По-моему, наоборот. Этого никак отрицать нельзя. Некоторое время тому назад тов. Майер, возглавляющий эту группу, в которой Герхард был практическим вождем, стоял в оппозиции к линии ЦК, а теперь защищает эту линию. Это — реальный факт и против этого факта никоим образом спорить нельзя. Вот два довольно существенных замечания по поводу фактического положения дел.

Что касается установки, данной тт. Шацкиным и Ломинадзе в вопросе о характере и соотношении уклонов в Коминтерне, то мне кажется, что тт. Шацкин и Ломинадзе все-таки дали в известной мере не совсем правильный крен. В чем суть этого крена? По-моему, суть этого крена заключается в том, что тт. Шацкин и Ломинадзе, в первую очередь тов. Шацкин, недооценивают троцкистской опасности в Коминтерне. Во-вторых, они недооценивают факта об'единения троцкистов «левой» марки, в условном смысле этого слова, с открыто правыми элементами, т. е. перерастания троцкизма в меньшевизм. В этом заключается ошибочность выступлений и тов. Ламинадзе, и тов. Шацкина. Я вам сейчас конкретно расшифрую, в чем заключаются ваши ошибки. Они оперируют такими вещами. Ломинадзе го-

ворит: «Если элиминировать, как любит выражаться тов. Бухарин», т. е. выдернуть совершенно из нашего анализа вопрос о троцкистских кругах, правых и левых, как угодно их называйте, то тогда остаются правые ошибки. Такова, примерно, формула тов. Ломинадзе. Формула тов. Шацкина: оставим этих троцкистов в покое, посмотрим, что делается в нашем Коммунистическом Интернационале, этой громадине, которая ворочает рядом партий, и пр., и т. д. Правильна ли такая постановка вопроса? Я считаю, что она неправильна. Что значит, например, когда тов. Шацкин говорит: посмотрите на наш Коммунистический Интернационал? Что это значит? Это значит: давайте рассмотрим те группировки, которые существуют сейчас в пределах и в рамках нашего Коммунистического Интернационала, не будучи из оного исключенным. Как можно это иначе понимать?

Шацкин. Не будучи в троцкистском Интернационале.

Голос. Запутался он.

Бухарин. Когда вы говорите: «в нашем Коминтерне», можно ли иначе понимать, находясь в здравом уме и твердой памяти, что мы, беря Коммунистический Интернационал со всеми его составными частями, не берем Рут Фишер (исключенную), Маслова (исключенного), которые в нашем Интернационале не находятся? Только так

можно это понять. Теперь я вас спрашиваю: можем ли мы из «нашего Коммунистического Интернационала» «элиминировать» троцкистские или полутроцкистские элементы и сказать, что у нас тут на все сто процентов чисто? Да никак не можем. Сейчас положение вещей именно таково, что троцкисты внутри иностранных партий маневрируют так же, как и в нашей ВКП. Что делает, например, Маслов? Разве он призывает всех своих сторонников выйти из коммунистической партии? Ничуть не бывало. Он сам сидит «на-весу», имея в руках свою маленькую партию и имея щупальцы в нашей коммунистической партии. В этом ведь как раз и состоит опасность. Значит, в «нашем Коммунистическом Интернационале» эти элементы еще сидят. Правильно ли, что они сейчас становятся, как и у нас, в нашей стране, троцкистская оппозиция, центром притяжения всех «недовольных»? В других коммунистических партиях и в Коммунистическом Интернационале троцкистские группировки точно так же становятся центром притяжения всех недовольных режимом, политикой и тактикой Коминтерна. Правильно это или нет?

Абсолютно правильно. Я скажу сейчас, каких недовольных. К ним тянутся все «недовольные», которые идут сейчас на образование своих течений и своих фракций, которые ведут фракционную борьбу против Коминтерна, которые имеют целую систему

вопиюще ошибочных взглядов. Величайшей неправильностью сейчас являются такого типа рассуждения, будто существует ультра-левое крыло, которое стоит левее нас и которое воплощено в троцкизме.

Вы недооцениваете троцкистской опасности в самом Коминтерне и разрешите сказать, почему вы, по-моему, недооцениваете. Я приводил пример... Роланд-Гольст, которая недавно входила в католическое общество или какое-то мистически богословское общество, которая под нашим нажимом ушла оттуда, которая еще до войны шла с Троцким, которая предлагает сейчас об'единиться со II Интернационалом, которая послала нам приведенное мной христианское послание, — она ведь самая горячая сторонница Троцкого. Этот Маннури, тоже «христиански» настроенный человеколюбец, письмо которого я вам цитировал, он — самый горячий сторонник Троцкого, хотя и пишет, что ничего не понимает в наших «божницах» и прочем. Доктор Полляк тоже горячий сторонник Троцкого. Суварины — они все идут вместе с Троцким. Это же реальный факт. Нельзя этого выбрасывать. А если вы говорите не о тех группировках, которые стоят вне Коммунистического Интернационала, а о тех, которые находятся внутри Коммунистического Интернационала, то вы, в первую очередь, должны отметить, что стоящие вне Коминтерна группировки имеют свои щупальцы в лице некоторых групп, еще сидящих внутри Коминтерна.

Сейчас речь идет ни о чем другом, как о тенденции этих групп и группочек сколотить свой «Интернационал».

Это же нужно понимать! Как можно, выступая по вопросам Коминтерна, «элиминировать» эту проблему, эту важнейшую международную проблему? Посмотрим на все это с точки зрения «большой политики». Скажите, пожалуйста, в какое сравнение идет сейчас та или другая правая ошибка той или другой компартии, хотя бы она имела сама по себе и очень крупное значение, например, с «термидорианской» кампанией (Правой! Социал-демократической! По сути дела контрреволюционной) против СССР со стороны всех этих троцкистских группировок? Ведь эта предательская кампания покрывает собою все остальное, потому что это есть самый важный политический вопрос, потому что с точки зрения «большой политики» нет более важного вопроса. Поэтому как раз этот вопрос и является критерием для оценки опасности. Я попробую подойти к оценке этого вопроса еще и с другой стороны. Если мы говорим не о больших контурах внешней политики, а если мы ставим перед собою важнейшую для нас проблему завоевания масс, то что является самым вредным с этой точки зрения? Я прямо утверждаю, что ни одна группировка не вредила нам в этом деле столько (будучи барьером

па нашем пути к завоеванию масс), сколько вредит нам троцкистская оппозиция. Социал-демократические рабочие, которые идут к нам широким фронтом, проникаясь все большими симпатиями к СССР, должны преодолевать теперь не только официальную социал-демократическую клевету, но и клевету, идущую из якобы коммунистического лагеря. Церетели выступает теперь в Стокгольме, ведет против нас бешеную кампанию, ссылаясь, в первую очередь, на Троцкого. «Форвертс» ссылается на платформу оппозиции. И так всюду и везде. Везде социал-демократия и буржуазия поднимает сейчас на щит «наших» оппозиционеров. Как внутри СССР оппозиция опасна своими апелляциями к «третьей силе», так в капиталистических странах она является теперь рупором социал-демократии и стоящей за ее спиной буржуазии. Она есть «проводник буржуазного влияния на пролетариат», ибо за нее хватаются, ее используют враги СССР, ВКП, Коминтерна. Значит, когда сейчас стремятся логически, формальным путем, «элиминировать» этот вопрос, — это добродетель очень малого порядка, потому что это значит не видеть крупных и больших вещей, из-за деревьев не видеть леса. У тов. Шацкина индивидуально были малюсенькие колебания в вопросе об оппозиции. Весьма вероятно, что его теперешний «крен» связан с этим обстоятельством

Совершенно естественно, что недооценка троцкистской опасности внутри Коммунистического Интернационала влечет за собой очень крупные последствия. Тов. Ломинадзе выставил такое положение, что ошибки, которые были у партий, у их руководства, были в первую очередь правые ошибки. Это верно. Но вот, что я должен заметить по этому поводу: правильно или неправильно, что при всех этих ошибках, наличие которых я признаю полностью, центральные комитеты соответствующих партий с нашей, коминтерновской, помощью исправляли их, хотели их исправлять, выполняли директивы Исполкома, который на ошибки указывал? Есть ошибки и «ошибки». Одни ошибки застывают в фракционную систему. За них дерутся, на них настаивают, их «углубляют», из них делают «теорию». Это одного типа ошибки. Другого типа ошибки такие: когда их делают, но потом поправляют. Тт. Шацкин и Ломинадзе, которые очень хорошо информированы о деятельности Коммунистического Интернационала, должны в этом согласиться со мной. Тов. Шацкин в своем выступлении прямо сказал, что Коммунистический Интернационал с этими ошибками боролся, предупреждал их, исправлял. Это — факт. Но разве при этих «исправлениях» мы натыкались, по общему правилу, на сопротивление? Нет. В огромном большинстве случаев директивы КИ немедленно «принимались к сведению и руковод-

ству». Не заметить этого, значит быть несправедливым по отношению к руководящим кадрам огромнейшего большинства наших секций.

Отрицаем ли мы, Коминтерн, правую опасность? Ни капли.

Вопрос насчет правой опасности можно сформулировать несколько по-другому. В целом ряде партий, которые еще не были обстреляны картечью со стороны противника, в будущих событиях могут произойти значительные внутренние кризисы. Я не исключаю того, что и во французской партии, и в чехословацкой партии, в тех крупнейших партиях, которые никогда еще не были обстреляны картечью в упор, могут быть такие кризисы. Мы ни в какой мере не замалчиваем этого и считаем, что правая опасность есть, и что она является довольно значительной. Но не об этом факте идет сейчас спор. На одном из совещаний, которое мы имели в Коминтерне, тов. Шацкин выставил тезис, что правые опасности чрезвычайно быстро растут в Коммунистическом Интернационале. Вот с этим положением я не согласен. Правда, на партийном с'езде он это положение немножко спрятал в свой карман или в свой портфель, — я не знаю. (Шацкин: «Я сказал, что выросла правая опасность».) То, что правая опасность была и есть, я с этим согласен, но я не соглашаюсь с тем положением, что она за последнее время выросла среди руково-

дящих кругов секций Коминтерна. Поскольку же она выросла, то она выросла в лице троцкистских группировок, при перерастании бывших ультра-левых в меньшевиков. В этом сейчас лежит центр тяжести. Поскольку же правые ошибки есть (и будут) в руководящих кадрах наших секций, мы должны эти правые ошибки бить изо всех сил, мы должны их исправлять, мы должны их предупреждать, мы должны тщательнейшим образом и систематически следить за малейшими ошибками в этом направлении, ибо даже из сравнительно незначительных ошибок могут (если нет отпора) расти и ошибки крупного политического масштаба.

К вопросу о Китайской революции.

Несколько кратких замечаний касательно китайской революции. Тов. Ломинадзе произнес здесь очень интересную, в общем и целом, речь, я думаю, что все товарищи не без удовольствия ее слушали. Однако, в речи тов. Ломинадзе было несколько явных преувеличений.

Первое замечание. Тов. Ломинадзе дал весьма неясную формулировку о феодализме в Китае. Главный спор идет ведь вовсе не о том, какой в Китае феодализм, «особый» или «европейский». Главный спор идет о том, есть ли он вообще. Этот спор связан ближайшим образом и с оценками классов. Ибо отрицание феодализма

связывалось (у Радека, например) с отрицанием наличия класса помещиков, из чего, в свою очередь, вытекали дальнейшие последствия. Тов. Ломинадзе же центр тяжести перенес на формы феодализма и сделал это так, что почти все присутствовавшие зачислили его в лоно отрицателей феодализма в Китае.

Второе замечание. Тов. Ломинадзе увлекся «остротой» формулировки касательно китайской буржуазии. Такие заявления, что буржуазии нет как класса, а есть отдельные буржуа, явно неправильны. Из констатирования процесса образования различных групп буржуазии, их конкуренции и т. д. еще отнюдь не вытекает уничтожения буржуазии вообще, как социально-классовой силы. Тут налицо явное «перебарщивание», доведение почти до абсурда некоторой в основе своей правильной мысли.

В основном я совершенно согласен с тем прогнозом, который ставит китайской революции тов. Ломинадзе. Я уже подчеркивал в своем докладе, что у нас нет ровно никаких оснований быть пессимистами по отношению к китайской революции, и что мы, несомненно, стоим в преддверии новой революционной волны.

О речи тов. Мифа. Его разбор вопроса о феодализме в Китае можно считать совершенно правильным. Тов. Миф, на мой взгляд, совершенно правильно «азиатский способ производства» взял,

как «форму проявления» феодализма в широком смысле этого слова. Своеобразие этого феодализма отражается и выражается в своеобразии класса помещиков в Китае, в особых чертах его хозяйственной и политической жизни. Только на этой основе и можно как следует понять проблему аграрной революции.

Но я должен сделать по поводу тоже интересной речи тов. Мифа две оговорки.

Во-первых, я не согласен с тезисом о возможности китайской столыпинщины. Ее практическая вероятность близка к нулю. В Китае нет такого земельного фонда, которым можно было бы маневрировать и «по-русски» разрешить основные противоречия китайской экономики. Столыпинский курс на деревенского «богатея» предполагал не только закон 9 ноября, но и реальное перераспределение земли (мобилизация земли через покупки частного порядка, через Крестьянский банк и т. д. и т. п.). Этот путь закрыт в Китае. Для него нет экономической базы на решающих территориях Китая.

Во-вторых, я думаю, что тов. Миф не совсем правильно поставил на первый план борьбу с китайским кулаком. Не это стоит сейчас на очереди. На очереди стоит вопрос об уничтожении помещиков. Разумеется, что в тех местах (условия в Китае весьма разнообразны), где кулак сражается на стороне поме-

щика против основных масс крестьянства, его нужно бить. Но это другая, чем у тов. Мифа, постановка вопроса.

Что касается тактических выводов в вопросе о китайской революции, то мне кажется, что при обсуждении этого вопроса (а по моему докладу целый ряд товарищей выступал и останавливался на этом вопросе), здесь не обнаружилось никаких более или менее существенных разногласий.

* * *

Я подхожу к концу. Какой урок мы можем вывести из тех прений, которые были здесь? Все товарищи видят сейчас, что Коминтерн, несмотря на очень трудные условия руководства, все же выработал правильную тактическую линию, которая на этом с'езде нашей партии, повидимому, единодушно одобряется. Мы должны в будущем систематически предупреждать и исправлять ошибки; мы будем это делать, как делали до сих пор. Но мы можем сказать, что, несмотря на огромные затруднения в нашей работе за последние два года, в общем и целом, мы подводим положительный баланс нашей работы. Коммунистические партии обнаружили большое единодушие в борьбе с нашей оппозицией и с троцкизмом внутри Коминтерна вообще. Наша партия получила огромную поддержку других компартий в своей борьбе против

троцкистско-меньшевистского уклона. Наша партия получила эту поддержку потому, что она есть славнейшая партия *международной рабочей революции*.

Нам предстоит, по всей вероятности, полоса очень крупных боев. *Когда* эти бои начнутся, мы не знаем, и не можем сказать этого заранее. Но мы твердо убеждены, что в величайших схватках между трудом и капиталом, которые нам суждены всем ходом исторического процесса, мы уже будем иметь закаленные, храбрые и достаточно опытные кадры, за которыми пойдут широкие массы рабочего класса, которые будут стоять на своих постах, когда прогремит военная труба.

В противоположность социал-демократическим партиям и в противоположность другим партиям и группировкам наших врагов мы не умеем рассказать толком о своей собственной работе, о героизме коммунистических партий и ее отдельных бойцов, о своих успехах и испытаниях. Коминтерн теряет тысячи и тысячи своих людей; белый террор буржуазии обрушивается именно против нас; мы, коммунисты, выставляем каждый день когорты славных борцов и настоящих мучеников рабочего класса. Тов. Ломинадзе докладывал нам о том, что происходит в Китае. Но несмотря на все ужасы белого террора, мы и в Китае, и в Польше, и на Балканах, и в Италии снова и снова выставляем ряды

бесстрашных борцов, которых не запугаешь ничем, которые все терпят и закаляются для того, чтобы вести дальше в бой рабочие колонны. Мы, начинаем сейчас расти. База для роста Коминтерна вновь расширяется. Нам, коммунистам, нужно поддерживать это движение, нам нужно усилить работу среди масс, нам нужно смелее и энергичнее, и решительнее выступать, как организациям, которые являются единственными революционными организациями рабочего класса, единственными революционными рабочими партиями.

Мы должны смелее и решительнее итти в бой сейчас и против капиталистических, и против наших социал-демократических врагов. Мы должны решительнее изживать остатки различных колебаний и пессимистических настроений.

Нам нечего бояться за наше будущее, ибо растет Союз советских социалистических республик, растет великая, могучая китайская революция, поворачивает налево широчайшая колонна европейского рабочего класса, и мы *пойдем* вперед, обеспечив внутри своих рядов железное единство, под знаменем ленинизма, под знаменем боевого Коммунистического Интернационала! (*Бурные, продолжительные аплодисменты, делегаты встают с мест и устраивают тов. Бухарину овацию, поют «Интернационал».*)

СОДЕРЖАНИЕ.

---

28 коп.

8

